

ДА НАЧНЁТСЯ КОНЕЦ СВЕТА

КОГДА ВОСХОДИТ ТЕНЬ

18+

КЕЙТИ РОУЗ ПУЛ

Век тьмы

Кейти Роуз Пул

Когда восходит тень

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111.312
ББК 84(7Coe)-44

Пул К.

Когда восходит тень / К. Пул — «Эксмо», 2020 — (Век тьмы)

ISBN 978-5-04-115742-5

Последний пророк был найден. В видении ему открылось будущее. Будущее в руинах. Тьма уже близко. Но судьба ведет тех, кто должен остановить апокалипсис. Принц Хассан, потерявший свое королевство, заключает смертельную сделку ради своего народа. Хладнокровная убийца Эфира готова уничтожить целый город, чтобы найти ту, что связана с ней магией крови. Паладин Джуд нарушил священную клятву и готов сделать это вновь ради любви. Беру, которой давно не должно быть в живых, намерена искупить свою вину перед теми, кто отдал ей свои души. А последний пророк пытается овладеть силой, ставшей источником его боли и страданий. Когда мир погружается в пучину безумия, лишь избранному под силу остановить его. А его посланниками станут пять душ, судьбы которых связаны воедино.

УДК 821.111.312

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-115742-5

© Пул К., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

I. Дар и пламя	6
1. Эфира	6
2. Джуд	12
3. Беру	16
4. Хассан	21
5. Антон	29
6. Эфира	33
7. Джуд	40
8. Хассан	44
9. Эфира	49
10. Антон	54
11. Беру	59
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Кейти Пул

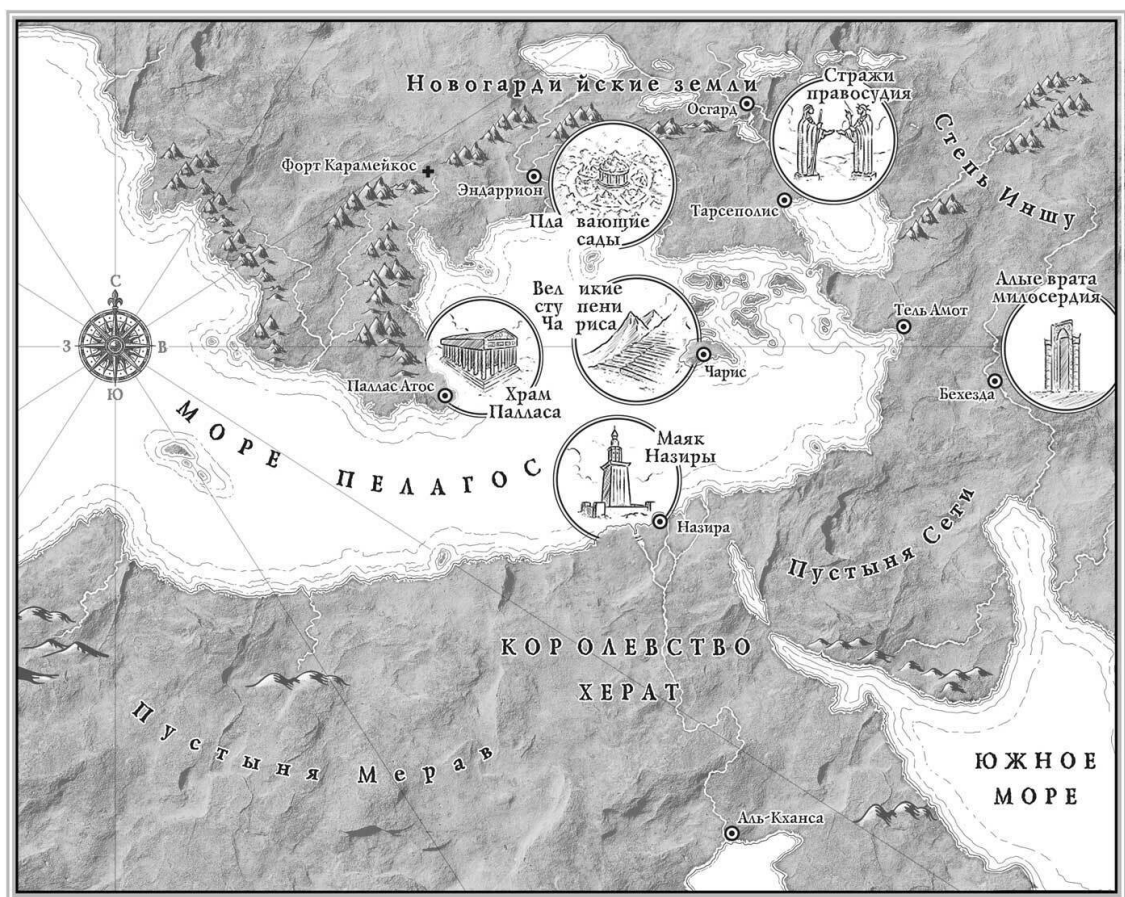
Когда восходит тень

Katy Rose Pool
As the Shadow Rises

Copyright © 2020 by Katy Rose Pool
Map illustration by Maxime Plasse
Cover design by Mallory Grigg
Cover art by Jim Tierney
© Сибуль А., перевод на русский язык, 2020
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Посвящается Люси, сказавшей, что любовь – это послание.

І. Дар и пламя

1. Эфира

Никто в заполненном людьми зале для азартных игр не знал, что среди них ходит убийца. Эфира смотрела, как толпы моряков и аферистов кричат и ругаются за столами, усыпанными костями, монетами и картами. Их зубы и золото сверкали в тусклом свете. Никто не обращал на нее внимания. Если бы она пришла сюда ради убийства, то проблем бы у нее не возникло.

Но сегодня ночью Эфира ни на кого не охотилась. Она искала ответы.

Она больше недели шла по следу из слухов о Короле Воров, рассказывающихся в каждом азартном зале и игорном доме Тель-Амота, прежде чем наконец обнаружить хоть какую-то зацепку от женщины, у которой она купила вино на Ночном Рынке. Информации было немного – лишь место и имя – Шара в «Смеющемся шакале».

Эфира пробиралась по липкому полу к бару, уворачиваясь от участников драки, начавшейся из-за карт.

– Вы видели мою подругу Шару? – спросила Эфира, когда официант подошел к бару, ожидая заказ. – У меня назначена с ней здесь встреча. Она сегодня приходила?

Официант бесстрастно посмотрел на нее:

– Я что, похож на доставщика посланий? Заказывайте выпивку или уходите.

Эфира сжала зубы и положила два медных вирту на стол.

– Ладно. Пальмовое вино.

Официант взял монеты со стола и исчез в задней комнате. Эфира смотрела, как он уходит. Потом запустила руку в сумку и провела пальцем по корешку отцовского альбома. Она днями напролет листала страницы в поисках ключа, скрытого за коротким письмом, адресованным ее отцу на задней стороне карты, предположительно показывающей все места, в которых он искал Чашу Элиазара.

Теперь ее искала Эфира. Ведь только эта вещь могла спасти ее сестру.

Она изучала рисунки отца и несколько коротких строчек, нацарапанных на уголках страниц. Выделялась только одна вещь. Шесть слов под наброском лица красивого мужчины.

Ключ у Короля Воров.

За последнюю неделю она узнала, что Король Воров – опальный ученый Великой Библиотеки Назиры, бросивший свои исследования ради поисков легендарного артефакта – Белого Щита Пендароса. Он понял, что обладает талантом к охоте за сокровищами и легендами и назвал себя Королем Воров. Согласно слухам, помимо Белого Щита его команда украла множество других легендарных артефактов – Рубиновую Вуаль, Огнехвостые стрелы Лирии, Глаз Пустыни.

Но, согласно записке в альбоме ее отца, они не нашли Чашу Элиазара.

Эфира подпрыгнула от удивления, когда официант со стуком поставил перед ней бокал вина.

Он кивнул за плечо Эфиры.

– Вон там твоя подруга.

Раздался хруст ломающегося дерева, и Эфира резко развернулась. Едва ли в трех метрах от нее, спиной к одному из карточных столов, стояла девушка. На ее запястьях звенели браслеты и кольца, а на плечах лежала пышная коса темных волос. По бокам от нее стояли двое мужчин, а у их ног валялись остатки сломанного стула.

– Нужно было понять, что такой капризный кретин, как ты, не сдержит слово, – крикнула девушка. – Отдай мне деньги или я...

– Ты что? – спросил, усмехаясь один из мужчин. – Будешь докучать нам, пока...

Девушка врезала ему кулаком в лицо. Потом схватила за рубашку и притянула поближе.

– Отдай. Мне. Мои. Деньги.

– Ты за это заплатишь, – прорычал он, поднял руку и ударил девушку по лицу. Она отпрянула, а другой уже наступал.

Эфира чертыхнулась себе под нос. Конечно же, ее целью должна была быть абсолютная идиотка. Перекинув сумку через плечо, Эфира скользнула между Шарой и двумя мужчина, отпихивая ее назад.

– Пора домой, – сказала она мужчинам.

– Да кто ты, во имя Бехезды, такая? – проревел один из них.

– Да, что ты делаешь? – спросила Шара. – Это переговоры.

– В данный момент я спасаю тебя от расчленения, – ответила Эфира. – Так что на твоём месте я бы заткнулась.

– Держись подальше, – мужчина хотел оттолкнуть Эфиру мясистым кулаком.

Она увернулась и в мгновение ока приставила нож к его горлу.

– А я предложу тебе держаться подальше.

Эфира смотрела в глаза пораженного человека, ожидая его действий. Посчитает ли он это блефом, как все и выглядело, или нож испугает его.

Конечно же, не лезвия ему нужно было бояться. Но он этого не знал.

Противник поднял руки.

– Ладно, – он показал пальцем на Шару. – Это не конец.

Эфира мгновение подождала, а потом схватила Шару за руку и повела прочь от мужчин.

Через пару шагов Шара резко толкнула ее о ближайший карточный стол. Эфира врезалась в него бедром и покачнулась, пытаясь удержать равновесие.

– В чем твоя *проблема*... – протест Эфиры замер в горле, когда она увидела происходящее. Мужчина, которому она угрожала, держал в руке отломанную ножку стула. Шара только что толкнула Эфиру, спасая от удара.

– Нужно было догадаться, что ты станешь драться по-грязному, – прорычала Шара. – Обманщик обманщиком и остается. Забирай деньги. Ты не стоишь моего времени.

Она отходила назад, и только оказавшись в десяти шагах от них, развернулась и выбежала прочь из карточного зала.

Эфира поспешила за ней, нагнав у дверей.

– Дам тебе совет, – сказала Шара, – никогда не поворачивайся спиной к таким мерзавцам.

Браслеты звенели друг о друга с каждым ее шагом. Теперь Эфира заметила и гладкие кольца на пальцах, и ожерелье из бусинок на шее.

– Вот так обычно проходят твои переговоры?

– Очевидно, ты тут новенькая, – ответила Шара. – Тебе чего-то надо?

Можно и с места в карьер.

– Я ищу Короля Воров. Кое-кто сказал мне, что ты можешь помочь.

Брови Шары полезли на лоб.

– Правда?

– А можешь?

Шара нахмурилась.

– Короля Воров ищут только по двум причинам, – она подняла палец вверх. – Либо ты что-то ищешь. – Второй палец. – Либо он что-то у тебя украл. Так какая?

– Так ты знаешь его.

– Я этого не говорила.

– Но знаешь, – возразила Эфира. – Ты можешь отвести меня к нему?

Шара оценивающе посмотрела на Эфиру. Взгляд прошелся по ее истоптанным ботинкам и изношенному плащу, задержавшись на шраме на лице. Это был прощальный подарок Гектора Наварро, оставленный перед тем, как Эфира убила его.

– Это кое от чего зависит.

– От чего?

– Готова ли ты за это заплатить?

По спине Эфиры пробежал холодок.

– Чем заплатить?

– Чего хочет любой вор.

Сердце Эфиры упало.

– У меня мало денег.

– Не деньги, – сказала Шара. – Сокровища.

– Ну, этого у меня тоже нет.

– Конечно же есть, – ответила Шара. – У всех есть. Сокровище просто должно быть ценным для того, кто от него отказывается.

Эфира подумала о том, что у нее есть. Имущества у нее было немного. Она не могла расстаться с альбомом отца, ведь в нем могли быть скрыты еще не найденные ключи. И она точно не хотела отдавать кинжал. Тель-Амот, как она уже поняла, был городом, не стоящим доверия, и если она хотела выбраться отсюда целой и невредимой и без новых жертв Бледной Руки, то ей нужно было чем-то себя защищать. Оставался только один вариант, хотя грудь Эфиры сжималась от мысли, что нужно с ним расстаться.

– Вот, – сказала она, снимая браслет с руки. Это последнее, что смастерила Беру прежде, чем покинуть Паллас Атос. Она нанизала на нить кусочки разбитой глиняной посуды и стеклянную крышку от бутылки, которую Эфира ей принесла. Эфира обнаружила браслет среди разбросанных вещей в сожженном храме. Она все еще помнила, как в горле поднялась паника, когда она поняла, что Беру нет. Сейчас она подавила эту панику, когда Шара забрала браслет и прокрутила его на одном из своих тонких пальцев.

– Что? – нетерпеливо спросила Эфира. – Тебе вдобавок нужна слезливая история?

Та подняла взгляд.

– Неа. Хватит и того, что она вообще есть. Пойдем.

Она вошла через черный вход со двора, обрамленный финиковыми пальмами. Там было немного людей, некоторые из которых были явно слишком пьяными, чтобы стоять на ногах. Шара провела ее мимо двора, а потом по крытому переходу.

– Что ты сделала? – невзначай спросила Шара. Она нарисовала на своей щеке линию шрама Эфиры. – Это метка преступника в Бехезде.

– Я не из Бехезды, – ответила Эфира. Ее слова объяснили, почему многие бросали на нее странные и обеспокоенные взгляды. Но никому другому не хватило смелости спросить.

Они дошли до конца перехода, за ним начиналась лестница, спускающаяся в темноту.

– Вот мы и пришли, – сказала Шара, указывая Эфире на ступеньки.

Эфира заколебалась.

– Ой да ладно, – Шара закатила глаза. – У тебя же есть нож.

Эфира начала спускаться первой, Шара последовала за ней. Внизу их ждала открытая дверь, ведущая в длинную прямоугольную комнату с низким потолком. Посреди нее стояли стол и кожаное кресло в окружении многочисленных полок, заставленных книгами и разными безделушками.

В комнате никого не было.

Эфира огляделась, когда Шара закрыла за ними дверь.

– И сколько нам ждать?

– Ждать чего? – спросила Шара, обходя стол и наливая себе чашку пальмового вина из хрустального графина.

– Ты же сказала, что отведешь меня к Королю Воров.

– Ой, точно, – ответила Шара скучающим голосом. Она села в кресло и закинула грубые сапоги на стол. – Рада познакомиться.

Эфира уперлась руками в стол, угрожаясь наклоняясь к Шаре.

– Не трать мое время. Я знаю, что ты не Король Воров. Король Воров мужчина, бывший ученый из Библиотеки Назиры.

– Король Воров был мужчиной, – сказала Шара, поднося запястье к свету, чтобы рассмотреть браслет Эфиры. – Он умер.

– Нет, – произнесла Эфира отчаяннее, чем хотела бы. – Не может быть. Мне нужно с ним поговорить. Это важно.

– О, это важно, – повторила Шара. – Почему ты раньше не сказала? Я просто пойду откопаю его, и мы его воскресим.

Эфира резко вздохнула. На мгновение она задумалась, знала ли Шара, кто она на самом деле. Что она может воскрешать мертвых и уже так делала. Нет, это невозможно.

– Если Король Воров мертв, почему ты называешь себя так? – спросила Эфира, очнувшись.

Шара пожала плечами.

– Не могла придумать имя получше.

Эфира вскинула бровь.

– Если честно? – спросила Шара. – У Короля Воров есть определенная репутация. О которой ты, уверена, знаешь, раз так отчаянно пытаешься его найти. Когда он сыграл в ящик, я решила, что жаль давать такой репутации умирать вместе с ним. От нее есть польза – нужные связи, запугивание, вроде того.

– Ты работала Королем Воров? – спросила Эфира. – Крала легендарные артефакты от его имени?

– Именно так.

– Ты его знала?

Лицо Шары внезапно стало суровым.

– Да. Знала.

Эфира узнала эти эмоции – лицо того, кто отчаянно пытается скрыть свое горе.

– Тогда, может, ты все-таки мне поможешь, – сказала Эфира, сунув руку в сумку за альбомом отца. – Твой предшественник отправил письмо моему отцу.

Она пролиستала журнал и вытащила письмо, лежащее между страниц. Шара настороженно взяла его.

Эфира уже знала его содержание наизусть.

Аран, боюсь мы не можем помочь тебе в этот раз. Если Чаша и существует, поверь, ты не хочешь ее искать. Потому что ты найдешь только быструю смерть.

– И нашел? – спросила Шара, подняв взгляд от письма.

– Что?

– Твой отец? – пояснила Шара. – Нашел быструю смерть?

– Нет, – ответила Эфира. – Прошло еще какое-то время, прежде чем он умер. Но он был болен. Смерть была медленной. – Она не хотела обсуждать это с Шарой. – Можешь сказать, письмо и правда от Короля Воров?

Шара нахмурившись глянула на бумагу.

– На мой взгляд, похоже на его почерк. Чаша, о которой он говорит... это Чаша Элиазара?

– Ты о ней слышала?

Улыбка Шары сверкнула как лезвие ножа.

– Каждый похититель сокровищ в мире слышал о Чаше Элиазара.

– А кто-то из них ее находил?

Шара рассмеялась.

– Ты же читала письмо. Мой предшественник был самым храбрым, бесшабашным вором из всех. И он не хотел даже близко подходить к этой штуке. Так о чем это говорит? – Она не стала ждать ответа Эфиры. – Зачем твой отец искал эту вещь?

– Именно это я и хотела узнать, – сказала Эфира. – Думаю, мой отец был знаком с твоим предшественником, может, даже хорошо. Он никогда не упоминал о нем при мне, но, судя по письму, они раньше работали вместе. Мой отец был торговцем.

Шара кивнула.

– Мы часто работаем с торговцами – они наши посредники, ищут покупателей для артефактов.

– Так ты думаешь, мой отец спрашивал о Чаше для кого-то другого?

– Возможно, – ответила Шара. – Хотя сомневаюсь. Вряд ли в Восточном Пелагосе есть скупщик краденого, достаточно безумный, чтобы попытаться купить такую вещь.

Эфира вздрогнула. Она не могла отделаться от мысли, что отец искал Чашу для кого-то другого – для нее. Но она не знала, что это значило. Ее родители всегда запрещали ей использовать свой Дар, вряд ли бы они стали искать то, что сделало бы ее сильнее.

Может... может, каким-то образом ее отец знал, что Дар Эфиры запятнан. Что он неправильный. Возможно, он знал, на что она способна, и надеялся, что Чаша может это исправить.

Тебе нужно закончить то, что начал твой отец.

Вот что Эфире сказала миссис Таппан в Медее. Если у нее и есть надежда спасти Беру, то только если она найдет Чашу.

Шара прервала ее размышления.

– Ты не первая, кто приходит в поисках Чаши Элиазара. Периодически какой-то дурак пытается ее найти.

– Мой отец не был дураком, – резко ответила Эфира.

– Просто заметила, – сказала Шара, примирительно поднимая руки. – И не впервые кто-то, ищущий Чашу, оказывается мертвым.

– Я же сказала, мой отец болел, – повторила Эфира.

Шара вскинула бровь.

– Есть много способов кого-то убить.

– Думаешь, кто-то пытается помешать найти Чашу?

– У меня свои теории, – ответила Шара. – Если подумать, об этой Чаше в последнее время много говорят. Больше обычного.

Это заставило Эфиру вздрогнуть. Помимо миссис Таппан, кто еще спрашивал о Чаше Элиазара? Вряд ли это совпадение.

Шара рассматривала ее.

– Ты мне чего-то не договариваешь. Не так ли?

Эфира спокойно выдержала ее взгляд. Она не могла рассказать ей настоящую причину расспросов о Чаше. Это была ее единственная надежда спасти Беру. Не могла рассказать, что ей приходилось годами убивать, чтобы поддерживать жизнь сестры, пока она не зашла слишком далеко – она убила Гектора Наварро, и Беру не смогла ее простить. Она ушла, готовая позволить себе умереть, лишь бы помешать Эфире убивать. И теперь Чаша была единственным шансом остановить это.

– Ты права, – наконец сказала Эфира. – Я не просто хочу узнать, зачем мой отец искал Чашу. Я тоже хочу найти ее. Мне нужно ее найти.

– И тебе нужна моя помощь? – спросила Шара, скрешивая ноги на столе. – Даже после всего, что я тебе рассказала?

– Ты же теперь Король Воров, не так ли?

– Так, – ответила Шара. – Но я же сказала, только глупцы ищут Чашу.

Сердце Эфиры стучало в ушах, отчаяние застряло в горле.

Шара быстро убрала ноги со стола и встала, складывая письмо Эфиры.

– К счастью для тебя, я из тех глупцов.

Эфира моргнула, когда Шара подошла к ней, вытянув руку.

– Я принимаю твое предложение работать вместе.

– Работать? – повторила Эфира. – Я же сказала, у меня мало денег.

Шара пожала плечами.

– С этим мы разберемся потом. Так ты согласна или нет?

Эфиры сузила глаза.

– Зачем тебе помогать мне после всего сказанного?

Шара махнула рукой.

– Я жажду славы и люблю игнорировать последствия. А ты застала меня в затишье. Я легко начинаю скучать. Ты хочешь стоять здесь и спорить или ты хочешь найти эту Чашу?

Эфира сжала руку Шары, сердце воспарило в груди. Этим утром у нее было только имя и слабая надежда. Теперь с ней отменный охотник за сокровищами и впервые появился шанс, что они справятся.

Держись, Беру, яростно думала она. Проживи еще немного.

Шара улыбнулась, когда они пожали руки.

– Рада буду поработать с тобой.

2. Джуд

Впервые за девятнадцать лет Джуда в форте Керамейкос состоялся трибунал.

В последний раз трибунал собирался перед рождением Джуда, хотя он и не знал причины. По правилам трибунал хранил все записи в тайне. Единственный человек, имевший доступ к записям помимо членов трибунала, – Хранитель Слова, хотя у Джуда не было времени воспользоваться этим правом.

По двум сторонам входа в зал трибунала стояли две статуи – одна изображала Тарсеиса Справедливого, а другая Темару – Первую Хранительницу Слова, поклявшуюся служить пророкам почти две тысячи лет назад. Джуд задержался возле статуи своего предка. Она сверкала в утреннем свете, суровый взгляд был направлен на крепость. Она была воином, солдатом, как и Джуд. Посвятила себя цели более важной, чем она сама. Паладин задумался, было ли ей легко отказаться от тихого и теплого дома ради холодных доспехов и стали.

– Джуд, – позади него раздался голос отца.

Бывший капитан Везерборн стоял по центру прохода, широкие плечи занимали все пространство. Его густая борода уже начала седеть, и, хотя шею больше не украшал золотой торк, он все еще выглядел как Хранитель.

– Ты не должен быть здесь, – вырвалось у Джуда. – Или они позволили тебе прийти?

Его отец покачал головой.

– Я пришел, только чтобы заранее повидаться с тобой. Что бы ни случилось – это между тобой и трибуналом, – он положил руку на плечо Джуда. – И я не переживаю за тебя, сын мой. Тебе просто зададут вопросы по поводу того, что случилось с Наварро, что заставило его дезертировать.

Джуду были известны слухи. Некоторые злили его больше, чем хотелось бы. Как, например, когда говорили, что Гектор дезертировал из Ордена, чтобы воспитывать ребенка, отцом которого стал до принятия клятвы. А вот другие... другие были близки к истине.

– Если они решат, что Гектор действительно дезертировал... – Джуд замолчал. Он не хотел думать о том, что тогда случится. Джуд все еще помнил мрачный взгляд отца, когда тот объяснял сыну, что часть долга Хранителя Слова – следить за выполнением клятвы паладина и выносить – быстро, безоговорочно – наказание за ее нарушение.

Отец сжал плечо Джуда чуть сильнее, а его лицо осунулось и помрачнело. Джуд знал, о чем тот думает, – что Гектора обязательно приговорят.

– Никто не знает, где он, – тихо произнес Джуд. В последний раз он видел своего друга в тот день в Паллас Атосе, когда сражался с ним на руинах святилища жрецов. – Он уже может быть на другой стороне мира.

– Трибунал решит, какие меры принять, – ответил его отец. – Просто расскажи им обо всем, что знаешь.

Джуд кивнул, в животе все сжалось от волнения. Его отец не знал, что именно случилось в Паллас Атосе, помимо того факта, что в итоге Джуд нашел последнего пророка.

– Когда трибунал закончится, я поддержу тебя. И пророка, – сказал отец. – Вот на чем мы должны сосредоточиться.

Антон. Джуду все еще было сложно думать о нем как о пророке. Когда они впервые встретились в Паллас Атосе, паладин видел в нем только вора и азартного игрока, своего спасителя. После возвращения в Керамейкос Джуд его избегал. Новогардиец так легко читал паладина, что тот боялся, если они останутся вместе наедине, Антон взглянет на него и узнает обо всех жалких мыслях в голове Джуда. Он не мог этого позволить, особенно когда ему предстоял трибунал.

Отец Джуда убрал руку, и он прошел один через двери зала трибунала.

Зал состоял из каменных платформ, расположенных вокруг центрального круга, в котором из синих и серых плит была выложена семиконечная звезда Ордена. Члены трибунала сидели полукругом на платформах, лицом к вошедшему Джуду. Это были паладины и управляющие, по такому случаю на всех были серые плащи. Также у каждого была брошка с изображением весов Тарсеиса Справедливого, а их лица были прикрыты, чтобы сберечь тайну. Под этими вуалями мог быть кто угодно – старый учитель Джуда, другой ученик, недолюбливавший его, даже его отец, если бы Джуд не видел его всего две минуты назад.

Дойдя до центра круга, Джуд склонил голову. Слева от него, с краю, на каменных скамьях сидели Пенроуз и остальная стража.

Магистрат, назначенный вести допрос трибунала, выступил вперед, отделившись от группы. В отличие от остальных, маски на нем не было, и Джуд припомнил его – это был не мечник, а управляющий, участвующий в поддержании защиты форта.

– Восемьдесят первая сессия трибунала Керамейкоса была созвана, – произнес магистрат. – Сначала трибунал хочет описать обстоятельства, при которых мы собрались. Никогда раньше на наших заседаниях не допрашивали Хранителя Слова.

– Я пришел только по собственному желанию и сделаю все, что попросит трибунал, – сказал Джуд.

Магистрат удовлетворенно кивнул.

– Цель этого заседания – определить, была ли нарушена клятва паладина Ордена последнего света, какие обстоятельства привели к предполагаемому нарушению клятвы и какие меры нужно принять, чтобы решить эту проблему. Мы поговорим со всеми, кто знает что-то об этом. Первым трибунал вызывает Джуда Адлаи Везерборна.

Джуд сел на одну из каменных скамей наверху черного мраморного помоста.

– Капитан Везерборн, пожалуйста, расскажите нам о событиях, которые произошли до отъезда Гектора Наварро из Паллас Атоса.

Джуд вздохнул. Возможно, он мог бы убедить их, что Гектор покинул стражу, выполняя задание Ордена. Возможно, тогда Гектор однажды мог бы вернуться. Он начал говорить, рассказывая, как они вместе отправились в цитадель Паллас Атоса. Как обнаружили там Бледную Руку.

– И как вы поняли, что это Бледная Рука? – спросил магистрат.

Джуд заколебался. Правда навредит Гектору, потому что будет казаться, что он действовал из мести. В конце концов, именно в этом его обвинил Джуд.

– Он узнал ее, – наконец сказал паладин. – Он и раньше видел, как она совершала убийства. Знал, на что она способна.

Те же ярость и боль, скрутившие грудь Джуда в тот день, снова сжали горло. Он проглотил их, заставляя себя рассказать, как Гектор вернулся в цитадель на следующее утро, а Джуд решил последовать за ним.

– И, покинув виллу тем утром, что вы собирались сделать? – спросил магистрат.

Такого вопроса Джуд не предвидел. Он задумался, что именно магистрат хотел вывести, задавая его.

– Я собирался найти Гектора. Думал, смогу убедить его вернуться со мной.

Он замолчал. Это была самая сложная часть истории. Не только для трибунала, но и для него самого. Момент, когда они сразились и Гектор оставил его истекать кровью на полу разрушенного святилища. Даже пересказывая случившееся, Джуд чувствовал тошноту.

– И не смогли?

– Он... он чувствовал, что должен завершить миссию. Найти призрака, которого считал последним предвестником, – заявил Джуд. Как и остальные паладины, трибунал чувствовал, если кто-то врет, по минутным изменениям в пульсе, запаху и дыханию. Это не ложь, но и не вся правда. – Если он оказался прав, то возможно его действия остановили век тьмы.

– Это так? – спросил магистрат. – Капитан Везерборн, вопрос не в том, ошибочны ли были действия Гектора. Мы здесь должны определить не то, что он сделал, а почему. Нарушение правил всегда диктуется только одним – сердцем.

– Только Гектор может точно сказать вам, что было у него на сердце, когда он ушел. – Но кое-что паладин все-таки знал. Слова, брошенные Джуду – что он не должен был принимать место в его страже, – зазвенели в голове.

– Если бы он был здесь, то я бы его спросил, – заметил магистрат.

Джуд опустил глаза на сцепленные руки. Магистрат был прав. Что бы Джуд ни сказал в его защиту, простая правда состояла в том, что Гектора здесь не было. И все же грудь Джуда сжималась от слабой надежды, что однажды Гектор вернется. Но глубоко в сердце он знал, что это будет уже не важно, если трибунал назовет его клятвопреступником. Он никогда не вернется.

– Хорошо, – мягко сказал магистрат. – От имени трибунала мы благодарим вас за участие в заседании.

Джуд чувствовал онемение, вставая со скамьи и покидая круг.

– Следующей трибунал вызывает Морию Пенроуз, – произнес магистрат.

Пенроуз вошла в круг и остановилась на мгновение, оказавшись плечом к плечу с Джудом. Она не посмотрела на него, но он слышал, как она задержала дыхание, проходя мимо него на возвышение.

– Паладин Пенроуз, вы согласны с версией событий капитана Везерборна, приведших к уходу Гектора Наварро? – спросил магистрат.

– Да, согласна.

– Вы хотите что-то добавить от себя?

Джуд взглянул на Пенроуз. Некоторые вещи он не упомянул, особенно то, как отчаянно Пенроуз пыталась не дать Гектору уйти. Но встретившись взглядом с магистратом, она просто покачала головой.

– Все случилось так, как описал Джуд.

– Хорошо, – бодро проговорил магистрат. – Теперь я хочу вернуться к тому дню, когда Гектор Наварро вернулся в Орден. Вы помните, как разговаривали с кем-то о возвращении Наварро в тот день?

– Я говорила с капитаном Везерборном, – ответила Пенроуз. – Терином Везерборном то есть.

– И что он сказал?

– Он переживал из-за возвращения Гектора и принятия клятвы.

Джуд впился ногтями в ладони. Он знал о сомнениях отца по поводу принятия Гектора в стражу паладинов, но не догадывался, что они касались возвращения Гектора в целом.

– Вы разделяли эти переживания?

Судя по всему, Пенроуз осторожно подбирала слова.

– Редко кто-то из членов Ордена покидает Керамейкос по собственной воле. И еще реже кто-то возвращается после ухода. У всех были вопросы.

– Как вы ответили на сомнения бывшего капитана Везерборна? – спросил магистрат.

– Я сказала ему, что, на мой взгляд, Джуд выберет Наварро в свою стражу, – Пенроуз замолчала. – А я не считала, что это хорошая идея.

Магистрат ухватился за колебания стражницы как пес, учуявший запах крови.

– Вы использовали именно эти слова?

– Нет, – ответила Пенроуз.

– Тогда что вы сказали?

Пенроуз глянула на Джуда.

– Я сказала, что думаю, это будет худшей ошибкой в жизни Джуда.

Ее слова словно ударили по Джуду. Он знал, что Пенроуз переживала из-за возвращения Гектора, но не осознавал глубину этой тревоги. Еще больше его шокировало, что она вот так разговаривала с его отцом. Это граничило с нарушением субординации по отношению к будущему Хранителю. Пенроуз понимала это, что означало, что ее сомнения в Гекторе стоили этого риска.

– Вы чувствовали, что это будет ошибкой из-за вопросов вокруг Гектора Наварро? – почти нежно спросил магистрат. – Потому что вы боялись, что Наварро не будет верен клятве?

Пенроуз опустила глаза. Вот и все. Несмотря на попытки Джуда защитить Гектора, подозрения Пенроуз означали, что Гектора обвинят в клятвопреступлении. Приговорят к смерти.

Пенроуз сделала глубокий вдох, закрыв глаз.

– Нет.

Надежда вспорхнула в груди Джуда.

– Так какова была причина таких мыслей? – спросил магистрат.

– Я боялась, – сказала Пенроуз слегка дрожащим голосом, – что Джуд влюблен в Гектора. И, хотя я знала, как Джуд предан своему долгу, я боялась, что рядом с Гектором чувства предадут его.

По телу Джуда сначала пробежал жар, а потом ледяной холод, словно его обжег Божий Огонь. Пепел заполнил легкие, живот. Этого мгновения он боялся с шестнадцати лет, когда понял, что его верность судьбе не такая нерушимая, как он когда-то думал. Мгновения, когда все провалы, ошибки, недостатки Джуда откроются остальным членам Ордена. Когда они все увидят, что вместо непоколебимого в груди Джуда бьется дикое и нежное сердце.

– По вашему мнению, чувства Джуда Везерборна предали его? – мягко спросил магистрат.

Пенроуз опустила взгляд на колени и не ответила. Магистрат позволил повиснуть молчанию.

Наконец едва слышным голосом Пенроуз ответила:

– Да.

– Как я и сказал, – заметил магистрат, чуть ли не с жалостью. – Нарушение правил зарождается в сердце. Паладин Пенроуз, пожалуйста, можете произнести клятву стражи паладинов?

Пенроуз сглотнула, словно сражаясь со слезами, но, когда заговорила, голос ее был твердым как сталь.

– Клянусь выполнять свои обязанности, поддерживать добродетель чистоты, аскетизма, послушания и посвятить себя, свой Дар, и свою жизнь Ордену последнего света.

– Отправившись за Гектором Наварро, поставив свои чувства превыше долга Хранителя Слова, соблюдал ли Джуд Везерборн свою клятву?

Джуд резко вздохнул. Даже не глядя ей в глаза, он знал ответ Пенроуз. А также он знал, как ей больно его произносить. Приговором паладину, нарушившему клятву, была смерть. Но Джуд знал это, когда решил отправиться за Гектором, он понимал, что именно это означает.

– Нет, – бесцветным голосом сказала Пенроуз. – Я так не считаю.

– Это было главной причиной ваших переживаний, не так ли? – спросил магистрат. – Нет, что Гектор Наварро нарушит клятву, но что это сделает Джуд Везерборн.

3. Беру

Все это место воняло мочой.

Беру натянула льняной шарф на нос и нырнула в толпу. Это помогло лишь немного приглушить запах.

В воздухе звенели крики людей, собравшихся вместе, словно стервятники над покрытыми кровью песчаными ямами. Внизу бойцы дрались на кулаках. Иногда все заканчивалось очень плохо. Некоторые из них были пленниками, привезенными из ближайших деревень. Их хорошая битва в ямах могла привести к легкому освобождению. Другие были отчаянными путешественниками, принесенными пустынными ветрами в поисках пригоршни монет или азарта.

Такие мероприятия считались развлечением в этом полном пыли жалком городе. Люди собирались здесь, чтобы посетить матчи и сделать ставки на исход. Беру не понимала, что привлекательного в том, что кому-то разбивают лицо или кто-то собирает свои зубы по дну ямы, но она пришла не смотреть.

Чуть больше недели назад она уехала из Медеи, покинув сестру и единственную известную ей жизнь. Она не знала, куда направляется, но голос в голове шептал: искупи вину.

Он привел ее на восток, к сторожевому посту на торговом пути между Тель-Амотом и Бехездой. Город был таким маленьким, что даже не заслуживал такого названия. Он состоял из одного караван-сарая, водополя и ям для сражений. Хозяин караван-сарая и его жена Кала пожалели Беру и позволили ей остаться. В обмен она должна была выполнять различную работу в городе.

– Ты пропустила первые пару битв, – сказала Кала, когда Беру добралась до лазарета.

«Лазарет» было слишком щедрым названием. Скорее он походил на кусок земли, отделенный от толпы, с парой скамеек внутри. Битвы в ямах были жестокими и кровавыми, а в городе целителей не было, так что некоторые из горожан брали на себя роль медиков, заштопывая раны в обмен на часть выигрыша бойцов. Беру поговорила с достаточным количеством сражающихся и поняла, что об их ранах никто не заботится. Владелец бойцовых ям даже не кормил их, если они не выигрывали.

– Простите, что опоздала, – ответила Беру. Она уже видела парочку потрепанных бойцов, развалившихся на скамейках.

– Что тебя задержало?

Беру выдала ответ, отретированный по пути в город.

– Я убиралась в стойлах и потеряла счет времени.

Но настоящая причина опоздания Беру никак не была связана с уборкой в стойлах. Все дело было во внезапных и резких болях, мучивших ее последние несколько дней. Она понимала и боялась того, что они означали. Беру не знала, сколько времени ей осталось, прежде чем ее жизнь угаснет, но думала и надеялась, что еще немного. Достаточно времени, чтобы сделать то, чего требовал голос в голове.

Искупи вину.

Это был голос Гектора, теперь она это знала. Она все еще помнила, как он звучал, низко и грубовато, когда он сказал это ей в заброшенной крипте в Паллас Атосе. Он хотел, чтобы она призналась, что ее сестра – Бледная Рука. Но Беру просто не могла предать ее вот так, что бы Эфира ни сделала.

А теперь слова Гектора преследовали ее. Его смерть преследовала ее. Ведь это его жизнь Эфира забрала, чтобы исцелить Беру. Последняя жизнь, которую она проживет. Она будет другой, пообещала девушка себе. Она проведет ее, пытаясь следовать словам Гектора.

Искупи вину.

Она пыталась. Эта работа стала началом. Впервые в своей жизни она лечила, а не вредила. Но этого так мало, учитывая все, что она сделала. Беру знала, что сказал бы Гектор. Она не старалась. Ничего не делала. Она просто ждала смерти.

Звон гонга вырвал Беру из размышлений. Начинаясь следующая битва. Новый удар гонга последовал за первым. Два означали, что боец победил двух соперников. Большая часть сражающихся уходила на этом этапе, забирая с трудом заработанные деньги. Но некоторые решали продолжать биться – потому что третья победа стоила в два раза больше первых двух вместе взятых. Редко кто из бойцов выигрывал третий матч, но такие схватки всегда были популярны среди зрителей.

Объявляющий, он же владелец ям, поднялся на платформу, удерживая маленький металлический диск перед губами.

– Наш следующий претендент – боец, которого мы все знаем и любим! – громыхал его искусственно усиленный голос. – Поприветствуйте Костолома!

Толпа разразилась криками, когда Костолом вошел в кольцо. Пот и масло стекали с его бочкоподобной груди. Свет низкого солнца блестел на бритой голове, а шрам, бегущий через лицо, превращал ухмылку в нечто особенно угрожающее. Беру и раньше видела, как он сражался, и знала, что его имя более чем заслуженно. Можно начинать готовить бинты для той бедной души, что с ним встретится.

– И наш новый боец, соперничающий за титул непобежденного после двух матчей, – встречайте Песчаную Бурю!

Когда второй боец встал в другом конце ринга, спиной к Беру, его встретили слабые аплодисменты, не такие громкие, как предназначенные Костолому.

Костолом сплюнул на землю.

– Игры закончились, мальчишка.

Он громко топнул, и вся яма сотряслась от удара. Толпа одобрительно заревела.

Другой боец не ответил на провокации. Он почти расслабленно ждал, пока Костолом подбирался к нему.

Первый боец атаковал. Маленький воин увернулся от удара. И снова, когда атаки полились дождем. Он словно дразнил Костолома, подходил близко, где тот мог его достать, а потом быстро и грациозно отдалялся. Но Беру знала, что долго это не продлится. В итоге Костолом нанесет удар, который вырубит человека размеров Песчаной Бури.

Костолом занес кулак. В этот раз маленький боец не увернулся, но отбил удар одной рукой, а другую впечатал в бок противника со смертельной точностью.

Гигант закричал и закашлялся. Кровь закапала из уголка его рта.

Беру услышала общий ах толпы, не привыкшей видеть, как кто-то получает преимущество над Костоломом.

Тот зарычал и бросился вперед. Другой боец легко перепрыгнул Костолома и приземлился на корточки на краю ямы под лазаретом.

Дыхание Беру замерло в горле, когда она впервые увидела лицо бойца. Она узнала эти темные глаза. Они преследовали ее во снах. Это было невозможно.

Гектор Наварро был мертв.

Но он стоял прямо перед ней.

Он поднял взгляд на ликующую толпу и потом посмотрел на Беру. Удовлетворение на его лице сменилось абсолютным шоком.

Беру не могла отвернуться. Они смотрели друг на друга, не обращая внимания на хаос, бушующий вокруг. Беру не могла не вспомнить, как он смотрел на нее вот так в последний раз, занеся меч, чтобы оборвать ее жизнь.

Затем сжатые кулаки Костолома обрушились на Гектора, вбивая его в песок.

Резкая внезапная боль пронзила Беру. Она вскрикнула, свалившись на землю, словно это ее ударили.

– Ты в порядке? – спросила Кала, подбегая к ней, чтобы поддержать ее. Мгновение Беру ничего не могла ответить.

– Раздави его! Раздави его! – скандировала толпа вокруг них.

– Я в порядке, – слабым голосом ответила Беру, но тут ее бок снова пронзила резкая боль. Она ухватилась за Калу, ловя ртом воздух, и взглянула вниз в яму.

Костолом поднял Гектора над головой, словно призывую шкуру. С громким кряхтением он подкинул его в воздух, бросая в стену ямы.

Гектор перевернулся в воздухе, оттолкнулся ногами от стены ямы и прыгнул в сторону Костолома. Он обхватил коленями широкие плечи противника. Извернувшись, Гектор воспользовался моментом и повалил Костолома на песок с невероятным грохотом.

На мгновение над толпой повисла мертвая тишина, пока огромный боец лежал неподвижно. А потом поднялся ликующий рев, заглушая все остальные звуки.

Беру слепо потянулась к скамье за спиной и тяжело опустилась на нее. Крики толпы накрыли ее. Она смутно слышала, как за ее спиной Кала готовит лазарет.

Гектор Наварро. Живой. Это было невозможно. Неужели ее разум разыграл ее? Лицо Гектора преследовало ее каждую ночь – возможно, даже в дневное время.

Она не знала, что чувствовать. Она была в ужасе, когда поняла, что Эфира его убила. Это был решающий момент, после этого она больше не могла жить, зная, кем являлась. Чем они стали. Вместе.

Но сейчас, словно этого никогда и не происходило, Гектор был жив. Словно тот ужасный день в деревне мертвых был стерт.

И то, как ее тело отреагировало, когда Гектора ударил Костолом... ей не показался этот внезапный всплеск боли.

– Беру, ты нужна мне здесь, – отвлекла ее Кала. Кто-то уже притащил Костолома в лазарет, и Кала осматривала его раны.

– Яндрос, сиди спокойно.

Беру потянулась ко второму медицинскому набору. И только проходя вдоль скамеек, поняла, чего от нее хотела Кала.

Гектор Наварро сидел на скамье в самом конце лазарета. Он снял рубашку и прижимал пальцы к свежей ране на лбу. Он еще не заметил ее. Она все еще могла исчезнуть в толпе, а позже извиниться перед Калой.

Беру словно приросла ногами к земле и просто смотрела на него. Это был он. Те же непокорные темные волосы, та же высокая, мускулистая фигура. Она смотрела на него, забывшись, пока он внезапно не поднял взгляд и, заметив ее, не застыл. Беру подошла, чувствуя себя так, словно находится вне собственного тела.

– Можно... можно мне взглянуть? – спросила она, указывая на рану на его лице.

Он ничего не сказал, лишь медленно убрал руку от раны, не отрывая от нее взгляда.

Беру опустилась на колени. Она запаниковала, горе и замешательство обрушились на нее. Гектор был мертв. Как мог он сидеть здесь, совершенно целый, не считая ран, полученных в схватке?

Она не могла сейчас спросить его, как он оказался жив, как это вообще возможно, поэтому вместо этого наклонилась и прикоснулась большим пальцем к его виску. Беру почувствовала внезапную обжигающую боль в своем виске, а за ней последовало головокружение. Словно земля ушла из-под ног, как будто она отделилась от своего тела. Ужас, злость и горе обьяли ее, словно попавший внутрь яд.

Гектор дернулся. Выражение его лица было таким, как раньше – когда он понял, что она призрак. И тут она поняла, чью именно злость чувствовала.

– Что ты со мной сделала?

Она не могла говорить. Ее руку покалывало в том месте, где она коснулась его.

– Песчаная Буря! – прогрохотало справа от Беру.

Беру выдохнула, когда внимание Гектора привлек Костолом, идущий к ним вдоль скамей.

– Я требую реванша! – заявил Костолом.

На лице Гектора появилось ленивое безразличие.

– Ты хочешь, чтобы тебя снова побили? Ну, если ты настаиваешь.

– Никто не может победить Костолома, я тебе это докажу.

– Неужели нужно делать это прямо сейчас? – спросила Беру, вставая с земли.

– Тебя это не касается, девочка, – прорычал Костолом, наступая на нее. – Не лезь, если не хочешь очутиться в ямах.

Гектор вскочил так быстро, что Беру едва успела заметить движение.

– Хочешь реванш? Давай я завяжу руку за спиной, чтобы это было честное сражение.

Костолом заревел в ярости.

– Давай я сломаю тебе руку, как тебе такой вариант?

– Ох, ради Керики, – пробормотала Беру, вставая между ними. – Может, просто достанете члены и померяетесь ими.

Костолом и Гектор уставились на нее, у обоих на лицах читался шок.

– Яндрос, почему ты вообще так злишься на него? Твои хозяева держат тебя как собаку, голодного и готового напасть на кого им нужно, – сказала Беру. – Тебе нужно злиться на них.

– Как ты только что назвала его? – растерянно спросил Гектор.

– Яндрос, – произнесла она, глядя на Гектора. – Тебя же так зовут, не так ли? Ты не Костолом. Ты не их бойцовский пес. Ты человек и, готова поспорить, под всеми этими... мышцами, у тебя доброе сердце. Возможно, ты забыл, как им пользоваться, потому что слишком долго работал только кулаками.

Яндрос, моргая, смотрел на нее. Как и Гектор.

– Ну... мы покончим с этим попозже, – сказал Яндрос, но в его голосе больше не было агрессии. Он отошел и покинул их, не произнося больше ни слова.

Беру взглянула на Гектора, уставившегося на нее. Выражение его лица было невозможно прочесть.

– Я забыл, как хорошо тебе это удастся, – заметил он.

– Что удастся? – спросила она.

– Успокаивать людей, которые хотят тебе навредить.

Беру снова встала на колени и порылась в своей сумочке в поисках чистых бинтов, а потом, стараясь не прикасаться к его обнаженной коже, протерла рану. Их лица были всего в нескольких сантиметрах друг от друга, и она слышала свое собственное отрывистое дыхание, пока работала. Она старалась дышать ровно, заставить руки перестать дрожать.

– Ты боишься, – через мгновение заметил он.

– Ты пришел в этот город в поисках меня? – резко спросила она, удерживая его взгляд.

Он покачал головой.

– Я... как ты здесь оказался? – снова спросила она.

– Не знаю, – ответил Гектор. – Я надеялся, ты знаешь. Я не помню. Помню Медею. Помню прибытие твоей сестры. А потом только как проснулся в пустыне. Один. Меня нашел караван узников. Они привели меня сюда, в песчаные ямы, чтобы сражаться.

– Ты не помнишь, что произошло в Медее? – спросила Беру слабым голосом. Ее взгляд прошелся по нему, и тут она поняла, что бледный отпечаток руки на горле, отмечавший его смерть, исчез.

Что это значило?

– Нет, – сказал Гектор. – Что случилось?

Он понятия не имел, что с ним сделала Эфира. Что сделала Беру.

Она перевязывала рану, притворяясь, что сосредоточена. Не обязательно говорить ему. Можно покинуть это место и позволить ему самому обо всем узнать. Отвернуться от него так же, как они сделали с Эфирой, когда убили его семью.

Когда она собралась уходить, он схватил ее за запястье, пальцы сомкнулись вокруг черного отпечатка, скрытого под повязкой. Его глаза были темными и напряженными, и Беру чувствовала свой частый пульс под его большим пальцем. Но под его злостью прятался еще и отчаянный страх.

Его хватка стала крепче.

– Расскажи мне.

Беру закрыла глаза, и на них навернулись невыплаканные слезы.

– Она убила тебя, – произнесла Беру срывающимся голосом. – Эфира убила тебя, чтобы спасти мою жизнь.

– Это невозможно, – сказал Гектор. Он отпустил ее и встал на ноги. Из его груди вырвался вздох. – Она не могла. Я все еще жив.

Беру покачала головой, тоже поднимаясь.

– Я не знаю как. Не понимаю, как ты можешь быть здесь.

– Она здесь? – спросил Гектор.

– Я оставила ее в Медее. Я не могла... не могу принять то, что она сделала с тобой.

Его лицо потемнело, но нельзя было понять, о чем он думает.

– Тебе нужно уйти.

– Гектор, – позвала она, но он уже отвернулся.

Беру застыла, а дыхание замерло в горле. Она уставилась на спину Гектора, на место рядом с позвоночником. Там, чуть выше бедра, виднелся черный отпечаток руки.

Он почти соответствовал тому, что чернел на ее запястье.

4. Хассан

Компас Хассана все еще указывал на маяк. Или по крайней мере на то, что от него осталось.

Его взгляд споткнулся о почерневшие руины на берегу. Хассана охватило чувство, что город потерял нечто большее, чем просто маяк.

Назира перестала быть городом, который так любил юноша. Одетые в черное и золотое свидетели маршировали по улицам вниз. Хассан насчитал пятерых. Они несли цепи и факелы – не Божий огонь, а обычное желтое пламя, – проходя мимо темных домов на улице. Это был тихий жилой район, расположенный вдалеке от шума дороги Озмандит или кварталов изобретателей и алхимиков. Ходили слухи, что свидетели придут в этот район, и они оказались правдой. Была только одна причина, по которой они сюда пришли.

Он толкнул Кхепри, сидевшую рядом с ним на крыше. Она беззвучно поменяла позицию. Ее тело было напряжено, а рука легла на клинок на бедре.

Хассан положил руку ей на плечо. Подожди, одними губами проговорил он. Благодаря усиленному Даром зрению она могла читать по губам даже в темноте.

Они наклонились вперед и наблюдали, как пять свидетелей подходят к двери одного из темных домов. Там они остановились, чего-то ожидая.

Из теней на другом конце улицы появились три хератских солдата. Они были одеты в отличительную зелено-золотую форму.

Хассан глянул на Кхепри и увидел в ее глазах отражение собственных страха и злости.

Свидетель во главе группы достал металлическую палку с крюком, а другие отошли, когда он открыл замок с ее помощью. Дверь распахнулась, в доме зажегся свет.

– Пора, – сказала Кхепри и приготовилась прыгать.

Но Хассан крепко держал ее за руку.

– Нет. Нужно узнать, куда они их отводят.

В дверях появилась возмущенная женщина.

– Как вы смеете врваться в мой дом! – закричала она, глядя на свидетелей. – Кем вы себя возомнили?

– Мы верные слуги Безупречного, – сказал свидетель с металлической палкой. – Мы знаем, что вы скрываете еретика.

– Еретика? – повторила женщина. – А ну убирайтесь из моего дома! У вас нет права здесь находиться.

– Выдайте нам еретика, приказом Иерофана, – потребовал свидетель.

Женщина не отвела взгляда.

– Я скорее пройду голый по дороге Озмандит, чем сдамся вам или вашему Иерофану.

– Схватить ее, – приказал свидетель солдатам. Двое шагнули вперед, чтобы арестовать женщину. Она увернулась, ударив одного из них и отходя в дом, исчезнув из поля зрения Кхепри и Хассана. Они слышали звон бьющегося стекла и громкий удар о стену. Пару мгновений спустя солдаты вытащили женщину из дома.

– Отпустите меня! – вопила она. Вертя головой из стороны в сторону, она закричала: – Помогите! Помогите!

Хассан чувствовал, как Кхепри напряглась под его рукой. Его хватка была крепкой, он старался не двигаться, не спрыгнуть вниз и не поставить свидетелей на место.

Но им нужно было узнать, куда отвели остальных одаренных.

Свидетели хлынули в дом. Хассан и Кхепри могли лишь ждать с яростно колотящимися сердцами, сжав кулаки, пока свидетели не выйдут снова. И когда те вышли, то тащили другого человека, закованного в цепи из Божьего огня.

– Мама? – позвала девочка, стоя между свидетелями и глядя на беспомощную мать. Она была ребенком. Ребенком. Не старше двенадцати.

– Хассан, – произнесла Кхепри. Это было лишь имя, но она вложила столько смысла в одно-единственное слово. Они не позволят забрать ребенка, как бы им ни нужно было узнать, куда свидетели собирались отвезти девочку.

– Пойдем, – сказал Хассан, и Кхепри прыгнула с крыши. Принц последовал за ней, производя намного больше шума.

– Что это?

Хассан замер. С рукой на клинке на полпути к свидетелям замерла и Кхепри. Человек, произнесший эти слова, был одним из хератских солдат.

– Она ребенок, – сказал он. – Мы же не посадим в тюрьму ребенка.

Один из свидетелей быстро двинулся в его сторону.

– Мы действуем от лица самого Безупречного. Ты считаешь, он ошибается?

Хератский солдат явно колебался. Потом выпрямился.

– Мне все равно, что там говорит Иерофан. Мы не заберем ребенка у матери.

– Одаренные – мерзость, вне зависимости от возраста, – прорычал свидетель.

– У нее еще не было времени кому-то навредить! Посмотрите на нее!

Сомнения солдата удивили Хассана. Очевидно, хератские воины еще не начали единодушно почитать Иерофана и после захвата власти Летией обречать одаренных на незавидную судьбу.

– Хочешь сказать, что сомневаешься в Иерофане?

– Может быть, – ответил солдат, наступая на свидетелей. – Возможно, я считаю, что ваш жуткий лидер в маске не знает, что лучше для этого города.

Хассан крепко держал Кхепри за руку. Если несогласие между свидетелями и солдатами перерастет в битву, то они смогут этим воспользоваться.

Лицо свидетеля перекошилось от злости.

– Хуже мерзости только те, кто ее защищают. Подчинись или узри последствия неповиновения Иерофану.

– Вы не можете этого сделать, – Он взглянул на двух других солдат, удерживающих мать девочки. Даже со стороны Хассану было видно, что солдат не получит поддержки товарищей.

Хассан сжал руку Кхепри и быстро кивнул.

Они побежали по дороге к девочке. Кхепри прыгнула на свидетеля, который ее держал, и нанесла один-единственный удар по затылку. Хассан получил возможность забрать девочку.

Но четыре других свидетеля уже приближались к ним с цепями из Божьего огня в руках.

– Какой удачный день, – сказал один из них. – Трое еретиков вместо одного. Безупречный будет очень рад.

– Хассан, беги! – крикнула Кхепри, и Хассан колебался лишь полсекунды, прежде чем потянуть девочку за руку и увести ее прочь от потасовки. Кхепри же обнажила меч и бросилась на свидетелей.

Хератский солдат, пытавшийся противостоять свидетелям, встал на пути Хассана. Тот резко остановился, сердце подскочило к горлу. Он взглянул на руку солдата, лежащую на рукояти меча.

После секундного колебания хератский солдат отошел в сторону, пропуская их.

Хассан бросил взгляд за плечо на Кхепри, удерживающую других свидетелей, а потом повел девочку прочь. Он спрятался за домом, чтобы снять с нее цепи Божьего огня.

– Тебе нужно бежать, – сказал он.

Девочка покачала головой, шмыгая носом и пытаясь сдержать слезы.

– Я не брошу маму.

Хассан резко вздохнул. Однажды он тоже оказался в такой ситуации – свидетели и Иерофан у его порога. Мать и отец оказались в его власти. Тогда ему пришлось бежать.

Но теперь он не сбежит.

– Ладно, – решил он и сжал ее руку. Чтобы успокоить ее или себя – он не знал. – Оставайся здесь. Если увидишь кого-то, кричи как можно громче. Я вернусь с твоей мамой.

Он бросился назад на улицу. Перед домом девочки Кхепри стояла на коленях на земле, а ее руки были закованы в цепи Божьего огня. Три свидетеля были уже не в состоянии сражаться, но два оставшихся стояли над ней.

Раскаленная ярость охватила разум Хассана, и он бросился вперед, сбивая одного с ног.

Кхепри воспользовалась тем, что остальные отвлеклись, и ударила связанными руками другого свидетеля по лицу. Он отшатнулся, и Кхепри врезала ему между ног. Тот свалился. Кхепри поднялась на ноги и дернула Хассана, помогая ему встать. Он рьяно боролся с ее цепями, пока они не упали с запястий.

Вместе они бросились к матери девочки и вырвали ее из рук солдат. Хассан, словно защищая, приобнял ее за плечи. Глянув за спину, он увидел, что три свидетеля поднимались на ноги.

– Уведи ее, – резко сказала Кхепри, и Хассан подчинился.

Чуть позже мать с дочерью воссоединились. Увидев, что девочка цела и невредима, женщина всхлипнула, и они обнялись.

– Не хочу показаться грубым, – заметил Хассан, – но вам нужно убираться отсюда сейчас же. Возможно, появятся новые свидетели. У вас есть безопасное место, куда бы вы могли пойти?

Женщина поколебалась и кивнула.

– У моего брата есть корабль...

– Отлично, – быстро ответил Хассан. – Идите. Вывезите ее из города.

Женщина снова кивнула, Хассан заметил, что ради дочери она быстро взяла себя в руки.

– Мы отправимся в небольшое путешествие, хорошо? – успокаивающе сказала она. – Мы просто возьмем кое-какие вещи...

– Времени нет, – покачал головой Хассан.

Казалось, женщина собиралась возразить ему, но потом закрыла рот.

– Мы не думали, что они придут за ней, – сказала она дрожащим голосом. – Ее Дар проявился лишь пару месяцев назад. Мой муж не был одаренным, как и я. Как они вообще?..

– Не знаю, – солгал Хассан. Скорее всего соседи донесли на них. – Но бессмысленно гадать. Ради безопасности вашей дочери, вам нужно увести ее из города. Не оглядывайтесь.

Женщина кивнула.

– Спасибо.

– Поблагодарите меня, добравшись до безопасного места.

Она взяла дочь за руку, и они исчезли в ночи.

Хассан помчался обратно на ту улицу и увидел Кхепри, измотанную, но целую. Солдаты и свидетели пропали.

Хассан на мгновение остановился, чтобы взглянуть на нее. Бронзовая кожа сияла в бледном лунном свете. В глазах горела та же непреклонность, что заставила ее пересечь море в поисках Хассана и назад, чтобы спасти их дом.

Он не мог не протянуть к ней руку и сжать плечо.

– Что случилось со свидетелями?

– Сбежали. И солдаты тоже, – сказала Кхепри, но в ее голосе не было облегчения. – Нужно убираться отсюда прежде... – Она замолчала. – Тут кто-то есть.

– Подмога?

– Пойдем, – сказала Кхепри и побежала по дороге. Хассан следовал за ней по пятам.

– Мы не можем вернуться в наше укрытие, – крикнул он ей по пути. – Пока не будем уверены, что они отстали.

– Сюда! – завопила Кхепри, резко поворачивая направо в переулок.

Вот тогда-то Хассан и услышал топот бегущих ног. По обеим сторонам узкого переулка теснились здания, соединяющиеся низкими арками. Впереди виднелся тупик.

Кхепри резко остановилась и встала между Хассаном и нападающими. обнажила меч.

В темноте Хассан видел две быстро движущиеся фигуры.

Кхепри бросилась к одной из них. Хассан стал наступать на другую, целясь в горло противника. Но только рассек воздух.

Мужчина двигался молниеносно быстро.

Прежде чем Хассан успел опомниться, его противник врезался в него. Принц упал на колени на землю, заваливаясь вперед, а враг схватил его руки и заломил за спину.

– Отпусти его! – кричала Кхепри – Не тронь его, ты, грязный...

– Кхепри? – произнес другой нападавший.

Хассан поднял голову и увидел, что Кхепри замолчала. Ее руки медленно опустились по бокам. Хотя он и не мог разглядеть ее лица, он видел, что замешательство заставило ее плечи напрячься.

Воздух пронзил ее полный удивления голос:

– Сефу?

Она убрала меч в ножны и бросилась в объятия нападавшего, тая от облегчения. Он ответил ей тем же, нежно обнимая.

Сердце Хассана рухнуло в живот, пока в его голове проигрывались ужасные сценарии возвращения давно потерянной любви Кхепри, готовой подвинуть Хассана в ее сердце.

Противник Хассана отпустил его и бросился к Кхепри, обнимая ее и поднимая в воздух.

Та ахнула и замахнулась на него, резко толкая локтем в живот, как только он поставил ее на землю.

– Чайк!

С горящими от радости глазами Кхепри повернулась к принцу.

– Хассан, это мои братья.

Хассан заморгал и глянул на мужчин. Оба были широкоплечими, почти на голову выше Хассана, а головы по бокам были выбриты, как и у Кхепри. Даже в тусклом лунном свете он видел, что они похожи.

– Сефу, Чайк, это принц Хассан, – сказала Кхепри.

Хассан не видел выражения лица Сефу, но услышал удивление в его голосе, когда тот ответил.

– Ты это сделала? Ты нашла его?

Другой, Чайк, повернулся к Хассану и упал на одно колено.

– Ваша светлость, – брат последовал за ним. – Мы знали, что вы вернетесь в Назиру. Как давно вы...

– Можем поделиться новостями попозже, – сказала Кхепри, бросая взгляд на Хассана. – Нужно убираться отсюда.

Ее братья обменялись взглядами, поднимаясь на ноги.

– Мы знаем одно место. Там безопасно.

* * *

Сефу и Чайк повели Хассана и Кхепри по темным улицам Назиры.

– Кстати, что вы делали в том районе? – спросил Чайк.

– До нас дошли слухи, что свидетели планируют рейд на один из домов в том месте, чтобы захватить кого-то одаренного, – ответила Кхепри. – Мы хотели узнать, куда они уводят одаренных. Но пленником оказался ребенок, так что мы вступились за нее. А что вы там делали?

– Патрулировали, – ответил Чайк. – Некоторые из нас устраивают обход каждую ночь, чтобы проверить, шныряют ли по округе свидетели, создавая проблемы.

– Когда я видела вас в последний раз, свидетели тащили вас прочь с того корабля, – сказала Кхепри сдавленным голосом. – Что случилось?

– Мы спаслись, – ответил Сефу.

Чайк толкнул брата.

– Лучше сказать, нас спасли. После того, как свидетели утащили нас с твоего корабля, нас отвели в город, прямо в чью-то ловушку. Взорвалось несколько дымовых бомб, и во всей этой суматохе мы сбежали. Но к тому моменту твой корабль уже давно уплыл, и пока мы искали другой способ сбежать из города, наши спасители нашли нас и завербовали.

– Завербовали? – повторил Хассан.

Сефу кивнул.

– В городе работает организация повстанцев. Они – мы – зовем себя Крылом Скарабея. Мы забираем одаренных прежде, чем их поймают свидетели, и прячем их в нашем убежище.

– Вход скрыт, – вставил Чайк. – И убежище укреплено практичными изобретениями. Вы все увидите, как только мы туда доберемся.

– Не только мы вернулись в Назиру, – сказал Хассан. – Мы приехали с группой... целым батальоном солдат. Другими, сбежавшими из Назиры. Мы вернулись неделю назад, и остальным нашим солдатам пришлось разделиться, чтобы спрятаться. В убежище Крыла Скарабея найдется для них место?

Чайк улыбнулся.

– О, место найдется. Там рады всем противникам свидетелей.

– Не могу поверить, что мы вас нашли, – удивлялась Кхепри. – Не могу поверить, что вы оба живы.

Горло Хассана сдавило. Он был рад, что Кхепри снова обрела своих братьев, но маленькая часть его не могла не завидовать ей. Его отец погиб, тетя предала его, а мама... он все еще не знал, где она.

– Вы что-то слышали о королеве? – спросил Хассан. – То есть настоящей королеве. Моей матери.

– Узурпатор, – Сефу выплюнул это слово как проклятие, – сказала, что ее убили. Мы не поверили ей. Иерофан не упустил бы шанса устроить публичную казнь. Скорее всего она где-то прячется. Как раньше и вы.

Слова были произнесены спокойно, но Хассан почувствовал укол раздражения. Правда, что он прятался в Паллас Атосе. Но произнесенные вслух и так спокойно эти слова делали его слабым. Трусливым.

Когда группа приблизилась к винному погребу, Хассан не мог не подумать о матери во власти Иерофана или даже хуже. Но он заставил себя смотреть вперед, ему нужно было верить в то, что мать в безопасности.

Чайк отвел их в подвал, и они спустились в погреб, вдоль стен которого были расставлены сотни бочек. Сефу подошел к одной из них в углу, взял ее за бока и повернул. Бочка погрузилась в землю, открывая широкий проход.

– После вас, – сказал Сефу, приглашая их внутрь. Чайк пошел первым, Кхепри полезла за ним, свесив ноги в отверстие и прыгнув во тьму. Хассан последовал за ней.

Приземлился он в крошечной тьме тоннеля. Хассан двинулся вперед на ощупь, пока не врезался в кого-то.

– Прости, – пробормотал Хассан.

– О, точно, – сказал Чайк. – Вы же не видите в темноте. Момент.

Раздался стук, потом мягкий оранжевый яркий свет наполнил помещение. Один за другим, вдоль длинного тоннеля включились факелы.

– Это только кажется, что идти далеко, – поспешил успокоить их Сефу. – Мы туда быстро доберемся.

Когда они дошли до конца тоннеля, Хассан увидел, что дверь перегорожена чем-то похожим на несколько сцепленных вместе колес с семью надписями. На каждом был начертан символ.

– Это, – сказал Чайк, – замбк.

– А ключ? – спросила Кхепри.

Сефу постучал по виску.

– Он здесь.

Они с братом методично поворачивали каждое колесо, двигаясь к центру. Когда центральное колесо встало на место, дверь издала тихий щелчок, и Сефу толкнул ее.

Хассан вступил в огромную комнату со стеллажами, от пола до потолка заставленными книгами. С потолка свисали гигантские золотые шары, окруженные золотыми кольцами, – армиллярные сферы¹.

– Это... это Великая Библиотека, – выдохнул Хассан, осознавая увиденное. – Как... как?

– Крыло Скарабея базировалось здесь после переворота, – ответил Сефу. – Защита, уже установленная библиотекарями, была улучшена, чтобы хорошо отгонять свидетелей.

– Они знают, что вы здесь? – спросил Хассан.

– Скорее всего, подозревают, – ответил Чайк. – Но им не удалось попасть внутрь, так что уверены они быть не могут.

К ним сразу же направилась низенькая девушка с темными, неаккуратно подстриженными волосами.

– Где, во имя Странницы, вы были? Араш давно ждет вашего возвращения. Он уже собрался отправлять поисковый отряд.

– Мы встретились с друзьями, – ответил Чайк. – Зарин, познакомься с моей сестрой Кхепри. Кхепри, это моя заноза в заднице Зарин.

– Ты хочешь сказать *алхимик*, – заметила Зарин. Ее глаза засветились, когда она посмотрела на Кхепри. – Я столько слышала о тебе. И, если честно, тот факт, что ты справлялась с этими двумя всю свою жизнь, говорит сам за себя.

– Кхепри привела еще кое-кого, – сказал Сефу. – Это принц Хассан.

Зарин в удивлении вскинула брови. Она склонила голову.

– Ваша светлость. Я... мы не знали, что вы в Херате. Мы думали, вы уехали во время переворота.

– Так и было, – сказал Хассан. Ему не нравилось признавать, что он сбежал, пока все они оставались здесь, но это привело его сюда. – Я вернулся с Кхепри и остальными готовыми сражаться.

Зарин глянула на Сефу.

– Араш знает об этом?

– О чем знает Араш?

Поверх плеча Зарин Хассан увидел, что к ним приближается высокий молодой человек, напряженно глядя на них.

– Араш, – голос Чайка внезапно звучал официальнее, чем когда он разговаривал с Зарин. Он даже выпрямился. – Мы с Сефу нашли свою сестру. Мы привели ее сюда вместе с...

¹ Армиллярная сфера – астрономическое устройство, состоящее из нескольких колец, соединенных с полюсом. Эти кольца представляют собой круги небесной сферы, такие как экватор, эклиптика и меридианы.

– Принцем Хассаном, – спокойно сказал Араш, ступая к Хассану. – Я бы узнал вас где угодно.

Хассан моргнул. Он был ростом почти с Чайка, но намного худее. Покрытые парчой плечи были идеально прямыми. Неопрятная щетина покрывал узкий подбородок, а кожа под бледными глазами была темной, словно он не спал уже много дней.

– Мы встречались?

– Однажды, – ответил Араш. Кажется, его не задело, что Хассан не смог его вспомнить. – Мой отец пришел ко двору несколько лет назад, вряд ли вы помните. Он был мелким дворянином.

– Был? – спросил Хассан. – Соболезную вашей потере.

Глаза Араша потемнели, а плечи еще больше напряглись.

– Мы все потеряли кого-то с тех пор, как власть захватили свидетели.

– Это Араш создал Крыло Скарабея, – сказал Сефу. – Он нас завербовал. Он заботился о нашей безопасности.

– Тогда, возможно, ты сможешь нам помочь, – сказал Хассан. – У нас есть солдаты – около двух сотен. Сейчас мы разбросаны по всей Назире, скрываемся, где можем.

Араш кивнул.

– Группа Фарана.

– Ты знаешь Фарана?

– Мы видели некоторых из ваших людей в городе, – вставила Зарин. – Привели нескольких сюда к нам. Я бы сказала, дюжина или вроде того присоединилась к нам на прошлой неделе.

– Мы не знали, – сказал Хассан. – Спасибо.

– Не благодарите нас, – ответил Араш. – Нам нужны люди, умеющие сражаться. Как думаете, сможете привести всех своих солдат сюда? Знаете, где они?

Хассан заметил, что он адресовал вопрос Кхепри. Она колебалась, прежде чем ответить.

– Думаю, да. Некоторые, возможно, переместились с тех пор, как мы общались в последний раз, но... мы сможем их найти.

– Хорошо, – ответил Араш. – Чем быстрее вы приведете их сюда, тем лучше.

Хассан заметил резкий тон Араша и его напряженный взгляд, направленный на Кхепри. Но Сефу, Чайк и Зарин словно ничего не заметили.

– А пока добро пожаловать, – сказал Араш, его тон смягчился. – Хорошо, когда появляются новые люди, преданные делу.

Снова его слова были обращены скорее к Кхепри, чем к Хассану.

– Зарин, – приказным тоном произнес Араш, – покажи гостям их комнаты. Сегодня вечером мы откроем пальмовое вино, чтобы отпраздновать.

Сказав это, он пошел прочь. Хассан смотрел ему вслед, а в животе ворочалось неприятное чувство из-за такого краткого прощания.

– Следуйте за мной, ваша светлость, – позвала Зарин.

Она отвела их в общежития подмастерьев библиотекарей и оставила обустроиваться.

– Что ты думаешь обо всем этом? – спросил Хассан.

– Что ты имеешь в виду? – не поняла Кхепри. – Именно это мы и искали. Безопасное место для солдат. Место, которое мы сможем защитить от свидетелей. Перегруппироваться и нанести ответный удар. Как ты и сказал, Хассан.

Хассан слышал ее слова – эхо его собственных. Она была права. Конечно же, она была права. Но он не мог прогнать странное беспокойство.

– Что ты думаешь об Араше? – спросил он.

– Он кажется умным. Способным. Красивым, – добавила она с ухмылкой.

Хассан обнял ее за талию.

– Что, правда? – Принц притянул ее к себе. – Красивее меня?

– Хммм, – Кхепри притворилась, что раздумывает. – Не уверена.

Они уже так давно не оставались наедине. Он с некоторой тоской вспомнил жар между ними, когда они поцеловались на борту «Крессиды» в ночь перед возвращением в Назиру. Ночь, когда все началось.

Нет. Хассан не позволит мысли о предательстве тети или ужасах маяка испортить этот момент. Они были в безопасности, в объятиях друг друга. Наконец перед ними был путь вперед.

– Возможно, тогда мне нужно выразиться поточнее, – сказал Хассан, проведя рукой по щеке Кхепри. Она прикрыла глаза. Он склонился к ней, пока их губы не оказались на расстоянии вдоха. – Кого ты сейчас считаешь красивее?

– Да поцелуй меня уже, – выдохнула она и, не дожидаясь ответа, схватила его за воротник и притянула для поцелуя.

Хассан расслабился, позволяя себе погрузиться в ощущение их прижавшихся друг к другу тел, пальцев в ее волосах. Вся усталость, весь страх и вся тревога, накопившиеся в них после падения маяка, словно вылились наружу.

Стук в дверь заставил Кхепри взволнованно отстраниться. Он попытался снова поцеловать ее, не желая отказываться от этого момента.

– Одну секунду, – крикнула она, прижимая ладонь к его груди. Она быстро пригладила волосы, поправила одежду и пошла к двери.

– Кхепри, – это был Чайк. Хассан видел Сефу прямо за ним. – Нас послали за вами. В обсерватории вас уже ждут еда и напитки. Что-то вроде празднования, ведь мы нашли вас.

– Хорошо, – сказала она. – Мы сейчас придем.

Чайк колебался в дверях. Его взгляд метнулся за спину Кхепри к стоящему за ней Хассану. Принц был уверен, что выглядел не так собранно, как она, и не сомневался, к какому выводу пришел Чайк.

Сефу облокотился на плечо брата.

– Может, нам лучше дать вам время обустроиться?

Хассан покраснел, но, к счастью, Чайк утащил брата прочь, прежде чем тот успел добавить что-то еще.

Кхепри повернулась к Хассану.

– Не волнуйся, они просто дразнятся. – Она рассмеялась. – Хотя, если мы не присоединимся к ним в обсерватории, не могу обещать, что они перестанут.

Она протянула ему руку.

Часть его хотела умолять Кхепри остаться и продолжить то, на чем они остановились. Но они только что прибыли в убежище Крыла Скарабея, и Хассану не терпелось узнать побольше об этих повстанцах. И особенно об их лидере.

Хассан взял ее за руку.

– Веди.

5. Антон

Антон видел сон, но уже не озеро, не лед преследовали его по ночам. Тьма, пожирающая его тысячи раз в тысячи разных ночей, больше не разевала свою пасть.

Теперь Антону снился свет. Холодный, белый свет Божьего огня, вырывающегося с верхушки башни у моря. Ему снились объятия, проносящийся мимо ветер и свет, разрывающий небо, когда они с Джудом прыгнули в море.

Ему снилось лицо, скрытое под позолоченной маской и окаймленное бледным пламенем.

Ему снилось красное небо. Красное как кровь, красное как пламя, красное как ярость.

Антон ахнул и открыл глаза.

Его омывала теплая вода. Голубое небо с облаками, окаймленное колоннами, покрытыми виноградной лозой, приветствовало его.

– Что ты видел?

Антон вздрогнул, услышав низкий мелодичный голос Пенроуз. Он сел, позволяя воде омыwać себя, и взглядом нашел паладина на краю бассейна.

– Снова маяк, – через секунду ответил он и побрел к ней.

Губы Пенроуз сжались в тонкую линию.

– Больше ничего?

Только тошноту от падения, обжигающую вспышку перед глазами и колотящееся у его уха сердце Джуда.

– Нет, – сказал он.

Уже больше недели прошло с их приезда в Керамейкос, тайную горную крепость Ордена последнего света. Антон каждый день приходил сюда, к омуту провидцев, откуда открывался вид на реку, и пытался получить видение, которое посещало его до этого лишь дважды в жизни. В первый раз в детстве – воспоминание, которое он подавил, – и снова чуть больше недели назад, после того как его брат чуть не запытал его до смерти. Илья пытался использовать Антона как пешку, чтобы завоевать доверие Иерофана и свидетелей. Он чуть не утопил младшего брата, чтобы тот рассказал о своем видении. Но Джуд успел спасти его прежде, чем у Илья все получилось. И они сбежали – прыгнули с маяка в море.

Только под водой, на грани смерти, Антон смог вспомнить.

Теперь он тонул снова и снова, в поисках ключа, который подскажет ему, как избежать разрушений из видения.

– Ничего не выходит, – сказала Пенроуз, в ее голосе слышалось раздражение. – Нам нужно убедиться, что ты готов к застрашному испытанию.

– Зачем мне нужно это делать? – спросил Антон, поднимаясь из воды на ближайший камень. – Я соответствую всем знакам. Я рассказал им, что видел. Если они не хотят верить, что я пророк, то это их проблемы.

– Орден стал осторожным после того, что случилось в Паллас Атосе. Когда мы...

– Приняли принца Херата за последнего пророка и позволили ему притащить всех в Назиру из-за ложного видения, а потом вас всех чуть не убили. Знаю, знаю, – сказал Антон, выхватывая у нее полотенце и вытираясь.

Пенроуз поджала губы.

Дело в том, что Антону не нужно было, чтобы остальные члены Ордена верили, что он пророк. Если они решат, что ошиблись снова, то выкинут его из Керамейкоса – и, на его взгляд, это не было таким уж ужасным вариантом, если тогда ему не придется мучиться и переживать свое видение снова и снова. И если они и правда *ошиблись* – ну, значит, видение Антона никогда не воплотится в жизнь.

– Мы просто ведем себя осторожно, – сказала Пенроуз.

– Настолько осторожно, что позволите мне предсказывать будущее в круге камней, чтобы доказать, что я пророк?

– Я уже объясняла тебе, – сказала Пенроуз, явно теряя терпение. – В мире есть определенные места, где силы предвидения пророков проявляются лучше всего. Круг камней в Керамейкосе – одно из них. Камни отреагируют на твой Дар так же, как и с другими пророками.

Антон вытер полотенцем мокрые волосы. Он вообще не ждал проверки – этого испытания. Можно было подумать, что теперь, когда он узнал о видении, преследовавшем его почти всю жизнь, он не станет паниковать каждый раз, используя свой Дар. Но паника становилась лишь сильнее. Одна только мысль о том, чтобы снова пройти через видение, пережить тот кошмар, заставляла его грудь сжиматься от ужаса. Он боялся этих сессий предвидения, страшился долгих дневных часов, когда только и делал, что думал о возможных ужасных событиях.

Может, Джуд и спас его от пыток Ильи, но чем нынешняя ситуация лучше?

Антон почувствовал обиду, вспомнив мечника. Он не видел Джуда с самого приезда в Керамейкос. Как только они прибыли в гавань, Орден устроил трибунал, чтобы узнать, что стало с блудным членом стражи паладинов Гектором Наварро. Они увели Джуда на допрос, запретив другим, включая Антона, разговаривать с ним.

Джуд не был виноват в этом, но Антон не мог не винить его, хотя обида была с примесью тревоги. Он чувствовал Дар Джуда на корабле на пути из Назиры. Раньше его Дар был громким и непреклонным, как буря. А теперь он дрожал как слабый ветерок. Он отговаривал себя спрашивать об этом Пенроуз несчетное количество раз. Новогардиец не знал, что именно Джуд рассказал остальным палadiniам о действии Божьего огня. И если он хотел сохранить это в секрете, то Антон не станет его выдавать.

Антон снова сосредоточился на Пенроуз.

– Ты же знаешь, что мне предстало в видении. Тень закрывает солнце. Шесть городов падут. Чума, буря огня, реки крови, потрескавшаяся земля...

– Да, я знаю, – резко сказала Пенроуз.

– И ничего, – добавил через мгновение Антон, – что бы подсказало, как не дать этому случиться.

– Способ есть, – возразила Пенроуз. – Должен быть.

– Все, что я видел, случится, – сказал Антон. – Если я и правда пророк, то это так работает, да? Пророчества всегда сбываются. Что-то грядет, Пенроуз, и избежать этого, изменить его или остановить нельзя.

– *Чтобы заставить Тьму отступить*, – сказала Пенроуз. – Вот слова из последнего пророчества Семи пророков.

– *Или разрушить весь мир*, – возразил Антон. – Кажется, эту часть ты все время забываешь.

Взгляд Пенроуз потемнел.

– А что ты знаешь о других пророчествах, Антон? О других пророках?

Антон пожал плечами. Вот впервые за столетие в этом мире появился пророк, и он почти ничего не знал о своих предшественниках. Это явно волновало Пенроуз и остальных стражей, но Антон не мог заставить себя переживать по этому поводу.

– Пойдем, – сказала Пенроуз, поворачиваясь на каблуках и направляясь к выходу со двора.

Антон подавил стон и последовал за ней.

Они шли по извилистой дороге через форт. Жизнь в Керамейкосе была неплохой – место было красивым, расположенным между гор и укутанным туманом окружающих его водопадов.

И тут было безопасно. В этом Антон был уверен. После почти семи лет постоянных поисков и добывания всего, что можно – еды, одежды, любви, – жизнь в месте, где ему не нужно

было гадать, когда он поест в следующий раз, или решать, от чего он готов отказаться, чтобы заполучить место для ночевки, казалась совершенно другой.

Затылок Антона покалывало, когда они приблизились к краю форта, примыкающему к горе. Каменная лестница поднималась змейкой по скале. Боль перешла на шею, и в голове начало пульсировать. Он остановился и прижал руку к голове.

– Ты в порядке? – спросила Пенроуз и остановилась рядом с ним. В ее голосе слышалась тревога.

Антон втянул воздух в легкие.

– Просто болит голова, – удалось сказать ему. Он указал на каменные ступеньки. – Куда они ведут?

– К кругу камней, – ответила она.

Антон убрал руку от головы и вытянул шею, чтобы взглянуть вверх. Отсюда не было видно круга, но знание о том, что он там, заставило холодок пробежать по его спине.

Пенроуз нахмурилась, но пошла мимо лестницы, и вскоре они оказались у здания в горе. Тонкие колонны приветствовали их, каменные ступени вели к остроконечной арке, а она – в атриум. Выложенный стеклом потолок отбрасывал свет на бледный каменный пол.

– Где мы? – спросил Антон, когда Пенроуз подошла к каменным дверям и положила руку на выпирающий квадрат.

Двери застонали и распахнулись, открывая взгляду напоминающее пещеру помещение, вдоль стен которого стояли стеллажи высотой в три человеческих роста. Комнату наполнял мягкий янтарный свет, хотя окон не было. Вместо этого лучи солнца проникали через каждый мраморный кирпич в стенах.

– Это архивы Ордена, – ответила Пенроуз. – Здесь мы храним все документы, связанные с пророчествами Семи пророков – когда они были сделаны, их интерпретации, их результат.

Они вошли в комнату-пещеру, и Антон задумался, сколько людей посвятили жизнь записыванию мельчайших деталей этих пророчеств. Достаточно, чтобы заполнить все это помещение.

К ним подошла стройная женщина в темно-сером плаще. По пути она записывала что-то в свой журнал.

– Добрый день, – поздоровалась Пенроуз.

Женщина захлопнула журнал и взглянула на них.

Антон уже привык к взглядам жителей Керамейкоса – восторг с оттенком страха. Словно он не человек, а спаситель. Это напоминало ему, как с ним обращалась бабушка, – не как с ребенком, а как с инструментом, с помощью которого можно вернуть наследство семьи.

Это делало его еще более одиноким, чем когда-либо, более одиноким, чем когда он рос в семье, которая его не любила, более одиноким, чем когда он самостоятельно выживал на улицах.

– Ваш визит в архивы – честь для нас, – сказала архивариус, взяв себя в руки. – Что вы надеетесь здесь найти?

– Мы хотим узнать больше о том, кем были пророки, – сказала Пенроуз.

Антон отвел взгляд. Он хотел узнать больше о пророках – кем они на самом деле были, а это он вряд ли найдет в записях. Для Ордена пророки были непогрешимыми. Но он теперь знал, что это не так. Что истории – это всего лишь истории. Потому что он был пророком, и совсем не безгрешным.

Архивариуса, казалось, удивила эта просьба.

– С чего вы хотели бы начать?

Антон открыл рот, чтобы успеть ответить до Пенроуз.

– Я хочу узнать о несбывшихся пророчествах. Тех, что оказались ошибочными.

Архивариус уставилась на него, выражение ее лица изменилось. Шок и намек на злость.

– Есть только одно такое.

– Вы имеете в виду пророчество об императоре Василии? – спросил Антон.

– Вы его знаете, – это не был вопрос.

Это было единственное пророчество, не считая последнего, о котором он все знал. Его бабушка заставила его выучить слова, когда ему было шесть, она была уверена, что Антон его опровергнет. Чтобы доказать, что пророки ошибались, что наследство его бабушки переживет их.

Архивариус повела их по одному из проходов и протянула руку к полке, чтобы достать толстый коричневый манускрипт в кожаном переплете. Она передала его Антону.

– Это записи императора Василия. У нас есть оригиналы... ну, большая их часть.

Антон взял манускрипт и пролистал страницы. Начало было написано аккуратным новогардийским шрифтом, каждая секция была датирована. Кажется, они описывали различные военные планы и пометки, кто, если вообще хоть кто-то, из советников Василия был достоин доверия.

Антон пролистал до конца. Здесь текст был менее разборчивым, словно его писали дрожащей рукой, и прерывался внезапно. Дальше смысл написанного терялся. Аккуратные, методичные записи исчезли, и им на смену пришел бессмысленный бред.

Тень подбирается все ближе с каждым днем.

Я знаю, что Он хочет поговорить со мной. Он приходит во сне.

То, что сделали Семеро, нельзя изменить. Их грех замянул мир, и все мы страдаем из-за этого. Я больше всех.

Камень взывает ко мне. Он знает, что его украли, и хочет наказать меня за грехи Семерых.

Свет красивый и ужасный. Он хочет поглотить меня. Хочет поглотить нас всех. Он поглощает меня, выжигает все и оставляет лишь пепел.

– Это последняя страница? – спросил Антон, поднимая взгляд.

Архивариус кивнула.

– Это написали за много дней до того, как он лишил себя жизни. Возможно, это последняя сделанная им запись.

– Что это означает? – спросил Антон. – О каком свете он говорит?

Архивариус покачала головой.

– К тому моменту Василий уже сошел с ума. Его мучили ужасные головные боли, вызывающие приступы, продолжавшиеся много дней. Свет, говорят, – результат этих головных болей.

Антон поежился. Он сомневался, что это результат головных болей. Описание света Василием походило на свет в видении самого Антона.

– Вы сказали, что он лишил себя жизни, – сказал Антон. – Как именно?

– Вы не знаете? – спросила архивариус.

Антон покачал головой. Его бабушка любила рассказывать о своем дедушке, императоре Василии, но она отказывалась упоминать, что с ним стало после поражения. Словно она могла стереть ту часть его истории, никогда не произнося ее вслух.

Архивариус печально взглянула на него.

– Он утопился.

6. Эфира

На следующее утро Шара ждала ее на улице у игорного дома.

– Готова встретиться с остальными членами команды? – спросила она, когда Эфира приблизилась.

– Команды? – повторила девушка.

Шара вскинула брови.

– Ты же не думала, что я стала величайшим в мире вором сама, а?

Вообще-то Эфира не знала, что Королю Воров помогает целая команда. Она не смогла скрыть недовольство. Бледная Рука привыкла действовать в одиночку.

– Обещаю, они тебе понравятся, – Шара замолчала. – Ну, *понравятся* слишком сильное слово. Но они нужны нам. Пойдем.

Она открыла двери и повела Эфиру внутрь. В такой ранний час в игорном доме не было постоянных клиентов. Внутри был лишь один человек, официант за барной стойкой, убирающий в стопку глиняные кружки. Приблизившись, Эфира поняла, что это тот же официант, с которым она общалась прошлой ночью.

– Шара! – воскликнул он при виде нее, на щеках появились ямочки. Но когда он заметил рядом с ней Эфиру, на его лице появилось замешательство. – Кого ты привела?

Шара кивнула в сторону Эфиры.

– Эфира, это Хаю. Он владелец этого заведения. Хаю, это Эфира. Она... ну, кое-что ищет.

Глаза Хаю засветились пониманием.

– О, новая работа.

Шара облокотилась на барную стойку.

– Хаю мамочка нашей компании. Оказавшись в городе, мы останавливаемся наверху, чтобы передохнуть и перегруппироваться. – Она повернулась к мужчине. – Где остальные?

Он открыл рот, чтобы ответить, но его прервали громкие голоса двух одновременно разговаривающих людей.

– Я же тысячу раз говорила тебе не трогать мои вещи! – послышался визгливый высокий женский голос из коридора, ведущего из игорного зала.

– У тебя их слишком много, – раздался в ответ более глубокий женский голос. – Зачем тебе все это? Женщине нужна только одежда, нож и миска. Это правило степеней.

– Мы же не в дурацкой степи, – возразила владелица первого голоса. – Не дай Паллас, чтобы хоть *что-то* облегчило нам жизнь.

Две женщины, на взгляд немного старше Шары, появились в дверях. Одна была бледной и стройной, у нее было аристократичное лицо, светлые волосы и глаза цвета неба после грозы. Другая – загорелой, ее волосы были темными и вьющимися. Это была самая высокая женщина, какую Эфира когда-либо видела.

– Хаю, пожалуйста, скажи Нумир, что если она снова переставит мои книги, то может спать на улице, раз так сильно скучает по своей степи, – сказала голубоглазая.

Высокая женщина фыркнула:

– Хаю, скажи Партении, что ее книги засоряют комнату и что она даже не читает их, а просто хранит, чтобы мы все считали ее умной.

– Хаю, скажи Нумир, что я умная и что она знала бы, если прочитала бы хоть одну книгу...

– Дамы, – обратилась к ним Шара со своего насеста у бара. Она махнула рукой в сторону Эфиры. – У нас гости.

Две женщины, до этого полностью сосредоточенные друг на друге, внезапно остановились и повернулись к Эфире.

– Привет, – сказала светловолосая невысокая девушка мелодичным и сладким голосом. – Я Партения.

Партения была одной из самых красивых женщин, которых только видела Эфира. У нее ушло мгновение на то, чтобы обрести голос.

– Эфира.

– Это Нумир, – сказал Хаю, ухмыляясь высокой женщине рядом с ним.

– Моя ищейка, – объяснила Шара, – а Партения эксперт по языкам. Она знает почти все языки мира, даже мертвые.

– Особенно мертвые, – глаза Партении блеснули. – Я специализировалась на переводах на древний нехемийский в Великой Библиотеке.

Шара вытянула голову, чтобы глянуть через барную стойку, словно искала кого-то сзади.

– А где Хадиза? Я же сказала всем, что встречаемся здесь поздним утром.

– Ты же знаешь мою сестру, – вздохнул Хаю. – Она считает, что «вовремя» – это когда она приходит.

– Что ты уже наврал обо мне, братишка? – раздался голос из дверей. Там, уперев руки в боки, стояла еще одна женщина. У нее были короткие кучерявые черные волосы и такая же светло-коричневая кожа, как у Хаю и Шары.

Она рассматривала Эфиру по пути к бару.

– Должно быть, ты наш новый клиент.

Эфиру не смущала фамильярность этих людей не только между собой, но и с ней.

– Эфира, – представилась она. – Шара сказала, что вы можете помочь.

– Я Хадиза, знаток в команде Шары, – ответила девушка.

– Она знает все о легендарных артефактах, – гордо объяснил Хаю. – Серьезно. Все. Просто спроси ее.

– Тебе известно о Чаше Элиазара? – спросила Эфира.

Глаза Хадизы расширились, и Эфира услышала, как другие сделали резкий вдох. На мгновение в комнате стало тихо.

Хадиза повернулась к Шаре.

– Ты не сказала нам, что она ее ищет!

– Разве? – удивилась Шара. – Так странно, точно помню, что говорила тебе. Наверное, приснилось.

– Нет, ты нам не сказала, готова поспорить, потому что знала, что тогда мы не придем, – сказала Хадиза. – Не так ли?

– Ну, теперь ты знаешь.

Хадиза тяжело вздохнула.

– Даже если мы бы хотели найти Чашу, как ты предлагаешь это сделать?

– Ты во мне сомневаешься? – спросила Шара. – Видишь ли, с нуля начинать не придется. – Она кивнула Эфире.

– Мой отец искал Чашу Элиазара, – сказала Эфира, доставая из сумки альбом отца и открывая страницу с рисунком Чаши. – Я нашла этот альбом. Король Воров – то есть первый Король Воров, написал ему о ней. Согласно записям моего отца, у Короля Воров было кое-что... ключ.

– Это уже начало, – подбадривающе заметила Шара. – Бадис перед смертью оставил все свои вещи мне, так что, должно быть, хоть это у нас есть.

– Шара, это слишком рискованно даже для тебя, – заметила Хадиза, и взглянула на Эфиру. – Позволь посмотреть альбом.

Эфира засомневалась.

– Если мы собираемся работать вместе, то тебе нужно нам доверять, – сказала Хадиза.

– Я вам не доверяю, – ответила Эфира. Она никому не доверяла. – Но мне нужна ваша помощь.

Она неохотно протянула Хадизе журнал. Та полистала страницы, просматривая.

– Кажется, Бадису хватило ума отказаться от этой работы, – наконец сказала она.

– Бадис больше не главный, – возразила Шара. – Но я не собираюсь вас заставлять. Выбор за вами. Всеми вами. Легко не будет. И безопасно тоже. Если остальные узнают, что мы ищем Чашу Элиазара, то у нас будут проблемы.

– Ты про то мелкое неудобство, что нас могут убить просто за поиски Чаши? – спросила Хадиза. – Учитывая, что именно это случилось со всеми похитителями сокровищ, пытавшимися это сделать. Кто-то не хочет, чтобы ее нашли.

Эфира поджала губы. Именно Беру всегда знала, как вымолить у других помощь, как уговорить капитана впустить двух девушек без денег на корабль или убедить зрителя не обращать внимания на то, что они прячутся в заброшенном доме. Она даже убедила Антона помочь им найти Чашу, пусть это и закончилось плохо.

Умения Эфиры начинались и заканчивались убийством людей и защитой Беру. И она потерпела неудачу в одном из них. Был только один способ убедить их встать на ее сторону: рассказать правду. Но от одной этой мысли ее кожу начинало покалывать.

– Я не жду, что вы согласитесь, – сказала Эфира. – Я осознаю риск. Как и вы. Но для меня речь идет не о сокровищах или власти. Мне нужно найти Чашу, потому что... – Она резко сглотнула, стараясь превозмочь стремление сохранить секрет в любом случае. – Она нужна мне для сестры. Она давно болеет, и целители не могут ей помочь. Думаю, Чаша спасет ее.

Она видела, что лицо Партении смягчилось. Нумир казалась задумчивой.

– Это грустно и все такое, – сказала Хадиза. – Но это только объясняет, почему ты хочешь это сделать. Шара, а ты?

– Потому что никто раньше не находил Чашу, – сказала Шара. – Если у нас получится, то мы станем легендами. Безоговорочно лучшими ворами в мире. Другие склонятся перед нашей славой, и мы всегда будем получать лучшие заказы, лучшую плату, и никто не станет с нами связываться. Другие команды больше не будут забирать нашу работу или уговаривать скупщиков краденого обманывать нас. Кроме того, разве вас хоть немного не терзает любопытство по поводу такого могущественного артефакта, в поисках которого многие погибали?

– Нет, – ответила Хадиза.

– А меня – да, – заметила Партения.

– Вы обе хотите рискнуть жизнью, – сказала Хадиза. – Вы что, и правда не понимаете, что такое Чаша? Это не сокровище. Это оружие.

Шара открыла рот, чтобы ответить, но Эфира заговорила первой.

– А что, если бы речь шла о Хаю?

Хадиза глянула в сторону барной стойки, где Хаю убирал кружки.

– Что, если бы тебе пришлось смотреть, как страдает больной брат? И что, если бы ты нашла для него лекарство? Разве ты бы не сделала все, что в твоих силах, чтобы попытаться? Или бы ты просто бездействовала и говорила, что это слишком опасно, и позволила бы брату умереть?

Хадиза сглотнула:

– Конечно, я бы попыталась.

– Тогда ты понимаешь, почему мне нужно это сделать, – сказала Эфира. – Знаешь, почему вы мне нужны? Все вы. Обещаю, я не хочу никому навредить. Я просто хочу спасти сестру.

Эфире было не по себе под их взглядами, но она взяла себя в руки и постаралась не показать этого.

– Где сейчас твоя сестра? – спросила Нумир.

Эфира повернулась к ней. Эту правду ей не нужно было рассказывать.

– Ей слишком плохо, поэтому она не смогла приехать со мной. Я оставила ее дома. Если я не вернусь к ней с Чашей, она умрет.

По крайней мере это правда. Время Беру истекало. Эфира уже потратила неделю на поиски Шары. Ей нужно было найти Чашу, и тогда она наймет провидца и найдет Беру прежде, чем станет слишком поздно.

– Итак, – через мгновение сказала Шара. – Берем заказ?

– Я в деле, – без колебаний сказала Нумир.

– И я, – согласилась Партения.

Шара взглянула на Хадизу.

– Ладно, – добавила Хадиза. – Я тоже.

– Ну, тогда решено. Заканчивайте свои дела, сделайте, что нужно, – Шара улыбнулась, быстро и по-волчьи. – Когда мы вернемся в Тель-Амот в следующий раз, то уже будем легендами.

* * *

По словам Шары, их первой остановкой было убежище первого Короля Воров. Большая часть его имущества все еще оставалась на месте, и если отец Эфиры был прав, то и ключ где-то там. Убежище находилось прямо за городом, и Шара обещала, что они доберутся до него до наступления тьмы.

Когда они выдвинулись утром, все еще было холодно. Нумир напевала походную степную песню, а Партения ее подначивала.

– Давай следующей «Моя жена – орел».

Нумир обожгла ее взглядом.

– Такой песни нет, и ты об этом знаешь.

Эфира ушла вперед подальше от их споров и зашагала рядом с Хадизой.

– Твой брат говорит, что ты знаешь все об артефактах.

– Мой брат любит преувеличивать, особенно когда речь заходит обо мне, – ответила Хадиза.

– Но ты что-то знаешь о Чаше, не так ли?

Та кивнула, не встречаясь с ней взглядом.

– Кто ее создал?

Хадиза долго молчала.

– Чашу не создавали, – наконец ответила она. – Не люди по крайней мере. Говорят, что это изначальный источник самого Дара крови. Откуда, по-твоему, взялись Дары?

Эфира пожала плечами.

– Если честно, я об этом не думала.

– Ну, легенды гласят, что существуют четыре источника Дара, – сказала Хадиза. – Пророки получили силу первыми, Дар взора. И потом они вручили источники Даров тем, кого посчитали достойными.

– А кому они дали Чашу?

– Чашу дали женщине-лекарю. Она смогла воспользоваться этим Даром, чтобы лечить больных. В то время на город обрушился мор. Люди обратились к пророчице Бехезде, чтобы узнать, уйдет ли чума. Пророчество Бехезды гласило, что мор можно уничтожить, если у Алых врат будет пролита кровь невинной королевы. Женщина-врач сказала жителям города, что станет их королевой и пожертвует собой ради них. Они короновали ее на следующее утро. К ночи она умерла.

Эфира поежилась, несмотря на жар солнца. Она лишь смутно знала историю Жертвенной Королевы. Теперь она словно обрела новый смысл, королева напоминала ей о Беру и ее решении покинуть Эфиру и угаснуть самой.

– Сначала город думал, что жертва королевы была напрасной, – продолжила Хадица. – Мор все еще бушевал. Они годами спрашивали Бехезду, что значило ее пророчество на самом деле. Но позже они узнали, что, когда их королева умерла, ее эша вернулась в страну и переродилась. Дети рождались с Даром крови, как у королевы. Ее смерть помогла создать новых целителей, так она стала Жертвенной Королевой.

Странно было думать, что собственный Дар Эфиры связан с этой королевой, первым человеком с Даром крови.

– А что насчет Короля Некроманта? Как он завладел Чашей?

– Через годы после смерти королевы, – ответила Хадица, – у пророчицы Бехезды было новое видение. Она увидела ужасную войну: мертвые поднялись против живых, армия призраков, пронесшаяся через пустыню. А Чаша была центром грядущего хаоса.

– Войны Некроманта, – произнесла Эфира.

Хадица кивнула.

– Да, когда Бехезда рассказала о пророчестве новым целителям, родившимся с эшей Жертвенной Королевы, они забрали Чашу и спрятали ее в храме за городом. Они называли себя Дочерьми Милосердия. Если у ребенка обнаруживался Дар крови, Дочери Милосердия забирали его в тайный храм для обучения.

– Так прошло несколько сотен лет. Но, несмотря на все усилия Дочерей отследить рожденных с этим Даром, Дар крови распространился за границы пустыни. Но все же Дочери Милосердия хранили Чашу в безопасности, и казалось, что Войны Некроманта никогда не начнутся.

– Но это не так, – сказала Эфира. – Почему они потерпели неудачу?

– Через четыре сотни лет после пророчества Бехезды на обучение к Дочерям Милосердия пришел мальчик с Даром крови. Он был любопытным ребенком, а его способности росли день ото дня. Дочери Милосердия начали переживать из-за него и выгнали его из своих владений, бросив умирать в пустыне.

– Но он ничего не сделал. Они выгнали его просто из-за силы? – Неожиданно быстро Эфиру затопила горячая ярость. Этого она не знала про Короля Некроманта. Все, что Эфира знала о нем, произошло уже после того, как он объявил себя Королем Некромантом, когда уже был могущественным и ужасающим.

Хадица с любопытством взглянула на нее.

– Он показал Дочерям Милосердия, что его Дар настолько сильный, что они не могли его контролировать. Они боялись мальчика, и этот страх заставил Дочерей сделать из ребенка изгоя.

Эфира осмотрела высохшую землю вокруг них. Она могла представить, каково было Королю Некроманту. Наедине с великой силой. Собственные родители Эфиры боялись ее, как и Дочери боялись Короля Некроманта. Но у Эфиры по крайней мере была Беру. До этого момента они никогда не была одна.

– Мальчик провел годы в пустоши, питаясь тем, что находил, – продолжила Хадица. – Используя животных и растения, чтобы поддерживать жизнь. И медленно он начал выходить за границы своих сил, границы природы. Он научился воскрешать мертвых. Сначала не людей. Во время путешествия он питался эшей встреченных им людей и существ, забирая себе их жизни. Став достаточно сильным, он вернулся к Дочерям Милосердия и потребовал отдать ему Чашу. Он уже попробовал сладость силы, ему захотелось больше. Он использовал украденную у других силу, чтобы забрать Чашу. Дочери сами боялись ее использовать и не могли с ним тягаться.

Эфира сжала руки в кулаки и опустила по бокам. Она могла представить, какой силой обладал мальчик. Могла представить, как он использовал ее против тех, кто пытался его остановить. Она почти понимала.

– Остальное ты скорее всего знаешь, – сказала Хадиза. – Он объявил себя королем Бехезды, и с помощью силы Чаши поднял армию призраков для нападения на соседние города. Сопротивлявшихся убивали, а потом воскрешали в рядах его ужасной армии. В итоге он пришел к королевству Херат. У его армии был еще один эффект – она вытягивала жизнь из земель, чтобы подпитывать призраков, превращая землю в пустыню.

– Как его победили?

– Не победили, – ответила Хадиза. – Его остановили, потому что сила Чаши обернулась против него. Каждый созданный им призрак вытягивал капельку его силы, пока он не ослаб настолько, что Дочери забрали Чашу. Без нее его армия призраков пала. Пророки, которые обычно отказывались участвовать в делах смертных, решили сами его наказать за преступления.

– Почему Дочери просто не уничтожили Чашу? – спросила Эфира. – Зачем прятать ее?

– Никто точно не знает, что именно с ней сделали, – ответила Хадиза. – Я слышала много историй. И все они разные. И доказательств никаких нет. Некоторые люди считают, что Дочери ее уничтожили. Но, мне кажется, они не могли, ведь так они уничтожили бы собственную силу. Так что вместо этого они спрятали ее там, где никто ее не найдет.

– Никто, – повторила Эфира. – Кроме нас.

– Мой черед задавать вопросы, – сказала Хадиза, сужая глаза. – Я знаю, что ты что-то от нас скрываешь.

– Все, что я вам рассказала, – правда, – сказала Эфира. – Моя сестра...

– Я верю в это, – прервала ее Хадиза. – Но что-то ты недоговариваешь. И, если скрываемое тобой сулит беду Шаре и остальным... ну, лучше бы тебе надеяться, что это не так.

Она долго смотрела на Эфиру. Та не отвернулась.

– Поиски такой силы... могут убить, – наконец сказала Хадиза. – Так что лучше тебе быть уверенной, что оно того стоит.

Эфира сглотнула:

– Оно того стоит.

* * *

Убежище первого Короля Воров оказалось внутри руин того, что когда-то было огромной статуей. Теперь от нее осталась лишь ступня размером с дом и мусор. Она стояла посреди пустоши.

– Что это за место? – спросила Эфира.

– Это был монумент первым правителям этой земли, – сказала Хадиза.

– То есть еще до пророков? – переспросила Эфира. – Что он здесь делает?

– Никто в действительности не знает, – призналась Хадиза. – Нехемийская легенда гласит, что бог созидания разозлился на то, что люди пустынного города построили такой большой монумент не божеству. Согласно историям, он повалил статую и в ярости разбросал ее осколки по пустыне. Скорее всего ее уничтожил ураган или вроде того.

– Хороший такой ураган, – заметила Партения.

Эфира повернулась к Шаре.

– Твой предшественник построил здесь убежище?

– Не совсем, – ответила Шара. Она прижала ухо к огромному каменному ногтю на большом пальце и осторожно по нему постучала. – Это убежище существовало задолго до того, как его нашел Бадис. Он был просто последним его обитателем. Вот!

Она отошла от ногтя в тот момент, когда тот издал низкий рокот и начал открываться, обнажая лестницу, ведущую в темноту. Шара включила яркую лампочку на запястье и повела их вниз.

Через некоторое время ступени привели в огромные каменные покои. Тьма сменилась тусклым светом, когда Шара стала включать в комнате лампы.

Перед ними предстало освещенное помещение, похожее на мастерскую. В центре комнаты стоял огромный рабочий стол, окруженный высокими стеллажами. На полках творился бардак, книги лежали открытые на земле, страницы усыпали пол, словно по комнате прошелся дикий ветер. Тут же было три открытых деревянных сундука. Содержимое было разбросано вокруг них.

– Кто еще знает об этом месте помимо тебя? – спросила Нумир.

– Никто, – ответила Шара.

– Ну, тут явно кто-то что-то искал, – заметила Партения, присаживаясь у одного из сундуков, чтобы поправить его.

– Вопрос в том, – сказала Эфира с колотящимся сердцем, – нашли ли они это что-то?

– Возможно, кто-то из старой команды Бадиса вернулся в бывшее убежище? – спросила Нумир. Партения толкнула ее, не очень нежно. – Ой. Что?

– Они все мертвы, – сказала Шара, с грохотом роняя телескоп на землю.

По спине Эфиры пробежал холодок.

– Что, если... – Хадиза сглотнула. – Что, если тот, кто вломился в наше убежище, знал, что у Бадиса был ключ к нахождению Чаши?

Прежде чем Шара успела ответить, в комнате раздался глухой стук. И снова, но громче. Он доносился из задней части убежища.

Глаза Шары расширились, и она быстро пересекла комнату. Эфира отступила назад, положив руку на кинжал на поясе.

Шара взялась за ручку в каменной стене.

– Что ты делаешь? – прошипела Эфира. – Кто бы здесь ни был, он может быть опасен!

Шара закатила глаза.

– Расслабься, – она потянула за ручку, и дверь начала двигаться. – У Бадиса была причина выбрать это место как убежище. Именно в этой тайной комнате он хранил по-настоящему ценные вещи. Видишь ли, не так сложно найти потайную комнату, если знать, где искать. Он принял и другие меры. Как только ты попадешь в комнату, она не выпустит тебя, если ты не знаешь пароля.

Стена отъехала, открывая их взору стальную клетку.

– Мне показалось, я слышал голоса, – заметил мужчина за прутьями. – Не стоит надеяться, что вы пришли меня выпустить, не так ли?

Эфире понадобилось мгновение, чтобы понять, что она уже слышала этот голос раньше. Из теней вперед выступил человек, однажды попытавшийся ее убить.

Илья Алиев.

7. Джуд

Джуд быстро шел по крытому проходу. Не оглядываясь по сторонам, он пересек двор для тренировок паладинов и обошел хранилище с краю барakov.

Осмотревшись и убедившись, что никто за ним не наблюдает, Джуд скользнул за главный ряд барakov и направился к зданию аванпоста. Он не хотел объяснять, зачем навещает беженцев из Херата.

По просьбе принца Хассана, больше сотни хератских беженцев из Паллас Атоса вернулись в Керамейкос вместе с Орденом последнего света. И, хотя принц оказался не пророком – в действительности он оказался обманщиком, первым предвестником, упомянутым в последнем пророчестве, – Орден все равно учел его желание защитить беженцев. Решение, за которое Джуд был благодарен больше всего и по многим причинам.

Войдя внутрь, он почувствовал на себе взгляды хератцев. К нему подошла молодая женщина.

– Хранитель Слова, – приветствовала она его. – Что привело вас сюда?

При упоминании титула внутри Джуда все оборвалось. Он все еще оставался Хранителем. Но вчерашний допрос трибунала убедил его в том, что это ненадолго.

– Мне нужно поговорить с вашим целителем, – ответил он.

Она глянула на него, и Джуд почувствовал желание прикоснуться к плащу у горла.

– Конечно. Сюда.

Она повела его к небольшой лужайке, которую беженцы превратили в сад. Две женщины, обе по крайней мере раза в два старше Джуда, стояли на коленях в грязи.

– Секхет, – позвала женщина, приведшая Джуда.

Одна из хераток постарше подняла взгляд.

– Хранитель Слова хочет поговорить с тобой.

Целительница поковыляла к нему, на ее морщинистом лице было написано удивление.

– Чем я могу вам помочь?

– Я хочу кое-что с вами обсудить, – ответил Джуд. – Это... деликатное дело.

Кажется, она сразу все поняла, потому что показала второй садовнице, что вернется, и увела Джуда в крытую хижину на краю двора. Когда дверь за ним закрылась, Джуд расстегнул плащ, позволяя ему соскользнуть с шеи на плечи.

Глаза целительницы расширились, но она ничего не сказала.

– Вы уже раньше видели такое, – сказал Джуд, касаясь пальцем бледных шрамов, разветвляющихся по горлу и ползущих к сердцу. – Или вроде того.

– Да, – согласилась целительница. – Однажды, когда свидетели захватили Назиру.

– Божий огонь, – сказал Джуд.

Целительница потянулась к нему.

– Можно?

Джуд кивнул, разрешая. Холодными руками она аккуратно отвернула ткань туники Джуда, чтобы посмотреть на шрамы. Она повернула его в одну сторону, потом в другую, изучая.

– Виденные мной ожоги от Божьего огня были... намного хуже, – сказала она ему. – Но узор шрамов такой же.

– Меня обожгло в Назире, – объяснил он.

– Мне жаль это слышать, – ответила женщина, убирая руки. Судя по всему, ей и правда было жаль. – Я видела, что он делает. Я видела боль людей. Я помогла пройти пациенту через худшую часть.

– В том-то и дело, – сказал Джуд. – Я не чувствую боли. Когда только проснулся – чувствовал, но теперь... ничего.

Целительница моргнула, глядя на него.

– Как правило, отсутствие боли – это неплохо.

Джуд сглотнул, поджимая губы.

– Когда боль утихла, я подумал, что мой Дар вернется.

В один из последних дней на корабле, прежде чем они вернулись в Керамейкос, Джуд проснулся и первым делом ощутил голод. Не тошноту от боли, не пустое жжение ожогов, не волны жара и холода. Он просто лежал в постели, в животе урчало, он рассмеялся от облегчения. Он вспомнил, как закрыл глаза и потянулся к своему Дару.

И ничего не почувствовал.

– Я не чувствую его. С того дня в Назире, – он поднял взгляд и встретился глазами с целительницей. – Он исчез, так?

Она долго молчала.

– Судя по тому, что случилось с солдатом, обожженным Божьим огнем, боль от потери Дара была... огромной. В конце он едва мог говорить. Он почти не приходил в сознание.

– В конце, – медленно повторил Джуд.

– Он умер, – мягко ответила целительница. – Слово без Дара его тело медленно теряло желание функционировать. Оно просто отключилось.

По спине Джуда пробежал холодок, когда он снова коснулся шрама. Это произойдет и с ним? Уже происходило неосознанно?

– Надежда есть, – сказала целительница. – Мы ведь не знаем всего о Божьем огне и его последствиях. Всего пару месяцев назад мы не знали, что он вообще существует. И судя по тому, что вы сказали мне, есть шанс, что ваш Дар лишь поврежден и существует способ это исправить.

– Как?

– А вот этого я не знаю.

Джуд закрыл глаза. Шанс. Ему нужно было нечто большее. Без своего Дара он не мог выполнять обязанности Хранителя Слова. А в этом случае трибунал может посчитать его клятвопреступником. Если он не мог защитить пророка, если не мог выполнить обещание, данное Антону на корабле, ему не место в Ордене.

– Если бы я могла сделать что-то еще, – сказала целительница. – Возможно, ученым Ордена известно, что вам поможет?

– Нет, – слишком быстро ответил Джуд. – То есть... у них сейчас есть дела поважнее.

В глазах женщины мелькнуло понимание.

– А. И как долго вы хотите хранить этот секрет?

Джуд сглотнул:

– Пока не узнаю, могу я это исправить или нет.

Целительница кивнула.

– Я никому не скажу. И продолжу искать ответы для вас. А еще спрашиваю других беженцев. Некоторые из них знают жертв Божьего огня в Назире.

В этот раз Джуд не стал спрашивать, живы ли еще те люди.

* * *

Джуд вошел в храм, погруженный в тишину, освятив себя елеем у порога. В последний раз он вступал в это священное место, когда отец сказал ему, что пророка нашли и что жизнь Джуда необратимо изменилась.

Теперь она изменится снова. Его Дар исчез. Остроконечный Клинок потерян. А завтра, когда трибунал вынесет свой вердикт, он может потерять все. Место Хранителя Слова. Свою стражу. Место в Керамейкосе. Свою судьбу.

Он гадал, когда именно нарушил клятву. Когда вышел из виллы в Паллас Атосе, покидая человека, которого считал пророком? Когда выбрал Гектора в стражу?

Или даже раньше, той ночью, когда Джуд повернулся и увидел тело Гектора, омытое лунным светом, и впервые понял, что ничего так не хотел, как прикоснуться к нему. Или, возможно, это произошло намного позже, в логове азартных игроков, когда он сжимал золотой торк в руке, готовый поставить его на кон. Присоединяясь к морякам и мерзавцам. Доверив свою судьбу едва знакомому шулеру.

Но потом этот шулер оказался пророком.

Возможно, это вообще не те моменты. Возможно, Джуд вообще не нарушал клятву. Может, все сомнения в себе, страх, его вероломное желание, может, это все привело его к Антону. Пророку.

Но вскоре, если трибунал пройдет так, как боялся Джуд, Антон больше не будет его опекающим.

Кто-то подошел к нему.

– Я везде тебя искала, – сказала Пенроуз.

Джуд открыл глаза.

– А тебе вообще стоит со мной разговаривать? Трибунал может посчитать это...

– Джуд, – произнесла Пенроуз. – Пожалуйста. Я пришла объяснить.

– Не нужно ничего объяснять, Пенроуз, – устало ответил Джуд.

– Ты заслужил услышать это от меня, – сказала Пенроуз. – Наедине. Не перед всеми. Мне жаль, что все так получилось.

– Ты ничего мне не должна, – возразил Джуд. – Сказанное тобой вчера было правдой, разве не так? Я забыл про долг и более того... – Он замолчал. – Я неправильно выбрал стражу. Я выбрал Гектора, потому что я... ну, ты знаешь почему. И я погнался за ним, забыв о долге. Ты чуть не умерла в том маяке в Назире из-за меня.

– Ты нашел пророка, – сказала Пенроуз низким, но уверенным голосом. – Ты спас его. Ты привел его к нам.

Джуд отвернулся от Пенроуз и направился прочь, к порогу храма.

– Ты нужен ему, Джуд, – окликнула его Пенроуз. – Он не доверяет никому из нас, только тебе. Он спрашивает о тебе. Просто поговори с ним, пожалуйста.

Джуд резко повернулся к ней.

– Ты ему рассказала?

– Что ты просил не видеться с ним? – спросила она. – Нет, он думает, что этого не разрешает трибунал.

– Хорошо, – сказал он, подняв руку к шее, где выпирали шрамы. – Я не могу ему помочь. Я никому не могу помочь.

– Так ты просто сдаешься?

Джуд медленно вздохнул, притворяясь, что исполняет коа. Только вот он больше не мог проходить через коа, потому что Дара не было.

– После твоих показаний, – бесцветным голосом сказал Джуд, повернувшись к Пенроуз, – у трибунала не будет другого выбора, кроме как лишить меня титула и по крайней мере изгнать.

– Ты этого не знаешь, – сказала Пенроуз. – Ты не...

– Знаю, – ответил Джуд. – И ты тоже. Это ты должна была стать Хранителем с самого начала. Если бы ты родилась у Везерборнов, ничего из этого никогда бы не случилось.

Пенроуз отшатнулась, словно он сделал выпад в ее сторону.

– Ты же не можешь так думать. Это... богохульство в отношении пророков. Они тебя выбрали.

– Значит, они ошиблись, – Джуд отвернулся. Он не хотел говорить ей о пропаже Дара. Он стыдился, все это было таким ужасным, и Джуд боялся увидеть отголоски собственного страха в глазах Пенроуз.

– Как ты смеешь, – пламенно воскликнула Пенроуз. – Как смеешь сомневаться в Семи. Как смеешь думать, что знаешь лучше них. Ты так отчаянно хотел сражаться за Гектора, но сдался, когда речь зашла о тебе самом.

Имя Гектора ударило, словно нож, в уже кровоточащую рану. Джуд был готов отказаться от всего – от долга, клятв, Ордена, – лишь бы Гектор остался рядом с ним.

И этого не было достаточно.

Он снова повернулся к Пенроуз.

– Позаботься о пророке.

Он вышел из храма, прежде чем она успела ответить. Он не знал, зачем пришел. Пророков нет. Они ему не ответят.

Последние лучи солнца уже гасли, когда Джуд прошел по мосту к форту. Он обошел путь, ведущий к баракам. Спать не хотелось. Обычно в таком состоянии Джуд отправился бы в любимое место во всем Керамейкосе – к подножию самого высокого водопада, где он раньше выполнял утренние коа.

Это место напоминало ему о Гекторе, как они вдвоем практиковали коа, единственное место в форте, где они могли быть полностью самими собой. Именно там Джуд понял, что испытывает к Гектору. И в тот же момент понял, что никогда не станет человеком, которым ему полагалось быть.

Он не хотел помнить этого человека. Он хотел забыть его, забыть стыд, забыть собственное имя. Он хотел забыть, что Джуд Везерборн когда-либо существовал.

8. Хассан

Хассан с Кхепри провели свое первое утро в Великой Библиотеке, исследуя базу повстанцев.

Они повстречались с большинством мятежников предыдущим вечером в обсерватории за чашками пальмового вина и тарелками пряного рагу, хотя Араш так и не появился. Они воссоединились с некоторыми из своих солдат – Фаран нашел путь к убежищу Крыла Скарабея вместе с десятком других. Наполнив желудки и согрев сердца, Хассан и Кхепри, пошатываясь, вернулись в комнату и сразу же провалились в сон.

Утром после завтрака Хассан оставил Кхепри общаться с братьями и отправился исследовать знакомые комнаты Библиотеки сам, повстанцы превратили здание в функциональную базу. Было почти смешно – в детстве он невероятно завидовал подмастерьям, живущим и работающим в Библиотеке все время. Ничто не могло убедить его, что жить во дворце лучше. А теперь он оказался здесь.

– Ваша светлость! – один из повстанцев, которого Хассан встретил вчера, замер в дверях уголка для чтения, где сидел принц, листая знакомый том «Истории Суфйона». Парень был юным, возможно моложе Хассана, и он явно не ожидал внезапно увидеть принца.

– В этом нет нужды, – сказал Хассан, отмахиваясь от него. – Ты случайно не видел Кхепри?

Они договорились встретиться перед ужином.

Мальчик кивнул.

– Она только что была в крыле мастерских. Араш и другие лидеры проводят собрание. Они попросили ее присоединиться.

Хассан почувствовал укол раздражения. Почему они пригласили Кхепри, а его – нет? Несложно отправить кого-то за Хассаном.

Должно быть, его мысли читались по лицу, потому что мальчик быстро добавил:

– Уверен, вас бы тоже пригласили.

Хассан кивнул, закрывая книгу с большей силой, чем было нужно.

– Уверен. А где проходит это собрание?

Мальчик колебался. Видимо, он все-таки не был уверен, что Хассан приглашен.

– Мастерская алхимии, – наконец ответил он.

Хассан поблагодарил его и поспешил прочь. Приблизившись, он услышал голоса из мастерской алхимии.

Все разговоры прекратились, когда он вошел. Больше дюжины повстанцев, включая Кхепри, сидели вокруг стола посреди мастерской.

– Ваша светлость!

Половина сидящих встала поприветствовать Хассана. Однако он отметил, что Араш остался сидеть.

– Я слышал, что созвано важное собрание, – просто заметил Хассан. Он не отрывал взгляда от Араша и не смотрел на Кхепри.

– Всего лишь обычное обсуждение стратегии, – ответил Араш таким же беззаботным тоном. – Можете к нам присоединиться.

– Мне кажется, мне полагается быть здесь, раз я принц Херата и единственный наследник трона, не так ли?

Араш холодно посмотрел на него.

– Тирзет, пожалуйста, найди принцу подушку.

Гибкая женщина развернулась на каблуках, принесла толстую подушку для сидения и положила ее возле стола напротив Араша.

Хассан, не отрываясь, смотрел на повстанца, пока садился.

– Мы просто обсуждали нашу следующую миссию, – сказал Араш. – И не откажемся от вашей помощи.

– Что вы планируете? – спросил Хассан.

– Как вы, наверное, знаете, – ответил Араш, – через неделю состоится коронация новой королевы Херата.

Кровь Хассана вскипела. Предательство Летию все еще было свежей раной.

– Мы подумывали устроить собственную демонстрацию по городу, – продолжил Араш. – Во время процессии.

– Какую демонстрацию? – спросил Хассан.

Араш глянул на Зарин, девушку, которую Хассан повстречал вчера.

– Мы хотим устроить беспорядки, – сказала Зарин. – Я работала с другими алхимиками над дымовыми бомбами.

– Дымовые бомбы? – переспросил Хассан. – На коронации будет много гражданских. Если мы взорвем дымовые бомбы, то может начаться паника. И, более того, коронация Летию – лишь отвлекающий маневр. Нам нужно больше узнать о планах свидетелей.

Араш мягко взглянул на него.

– Мы здесь работаем не над защитой. Если бы мы только ждали новостей о том, что делают свидетели, а не действовали, то стали бы для них легкой добычей. Мы хотим, чтобы защищались они.

– Если мы будем строить планы, не зная, что собираются делать свидетели, то рискуем нажить еще больше проблем, – возразил Хассан.

– Мы повстанцы, – отменил его возражения Араш. – Наша задача – не поддерживать мир в Назире. А любыми способами свергнуть этот режим.

– Пострадают невинные люди.

– Едва ли они невинны.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Хассан.

– Ты же должен знать, – ответил Араш. – Одаренных в городе почти не осталось. Нам удалось спасти нескольких и привести их сюда, а другие бежали. Но свидетели захватили намного больше, чем нам казалось возможным. И все благодаря соседям одаренных. Снова и снова мы слышали истории о том, как они сдавали своих одаренных друзей, даже членов семьи в обмен на безопасность.

– Вы не можете полагать, что все так поступают, основываясь только на действиях парочки трусов.

– Пока их может быть парочка, но, если этот режим продержится чуть дольше, их станет больше, и все больше неодаренных станут предателями. Вот так все просто. Уверен, вы-то понимаете. Этим людям нечего терять, и даже самые благородные в итоге предпочтут спасти себя, а не одаренных.

Грудь Хассана наполнила раскаленная ярость. Ему не показалось, что комментарий был обращен к нему.

– Как ты смеешь, – голос Хассана дрожал, а руки уперлись в стол.

Араш вскинул брови, словно пораженный гневом Хассана.

– Думаешь, мне нечего терять? – спросил принц.

– Хассан, – умоляюще окликнула его Кхепри. – Я уверена, он не это имел в виду.

– Именно это, – ответил Хассан, не отрывая взгляда от невозмутимого Араша. – Раз я не одаренный, как вы все, то мне нельзя верить.

Араш не ответил, что уже означало согласие.

– Свидетели забрали у меня все, – сказал Хассан. – Меня выгнали из собственной страны. Отца казнили. А мать... я все еще не знаю, где она. И жива ли. Я сделал все, что было в моих

силах, чтобы не дать наступить Часу расплаты. Так что не смей говорить мне, что мне нечего терять.

С этими словами Хассан встал из-за стола и покинул комнату.

Он уже преодолел треть пути, когда услышал за спиной шаги. Принц со вздохом остановился.

– Кхепри...

– Это не Кхепри. – Это была Зарин.

– Чего ты хочешь? – настороженно спросил Хассан.

– Дать дружеский совет.

– Дай угадаю, – сказал Хассан. – Я не должен принимать это близко к сердцу. Араш не имел в виду, что я пойду против одаренных.

– Вообще-то, – ответила Зарин, – ты прав. Именно это он имел в виду.

Хассан так удивился, что не знал, что ответить.

– Слушай, Араш хороший лидер, – продолжила Зарин. – Я люблю его как брата. Но он вырос в семье, в которой неодаренные ничего не значили. Он так и не пересмотрел эту иерархию. К тому же его родителей забрали свидетели, потому что их сдали слуги.

– Кем были его родители?

– Лорд и леди Катари, – ответил Зарин.

– Я помню их, – сказал Хассан. – Они перестали появляться при дворе, когда отец объявил меня наследником. Они сказали, что неодаренный наследник – позор всего Херата.

Его мать постаралась защитить его от этих слов, но отец рассказал ему, когда Хассан попросил сказать правду.

– Когда ты король, всегда найдутся люди, которые будут не соглашаться почти со всем, что ты делаешь, – сказал тогда ему отец. – А другие не любят тебя просто из-за того, кто ты. Ты не можешь прятаться от них. Но ты можешь не дать им управлять собой.

Хассан взглянул на Зарин, смотревшую на него без стыда или извинений.

– Так и Араш думает, да? – спросил Хассан. – Если свидетели падут, а Летию низвергнут, он не хочет видеть на троне меня?

Зарин натянуто улыбнулась.

– Он обрадовался, когда пал маяк. Сказал, что, значит, у тебя больше нет права на престол.

– Полагаю, – мрачно продолжил Хассан, – он сам хочет заполучить его.

Зарин пожала плечами.

– Зачем ты мне это рассказываешь?

– Просто решила, что ты должен знать, с чем имеешь дело.

– Хассан.

Хассан и Зарин обернулись к двери мастерской. Там стояла Кхепри, обхватив рукой талию, она выглядела виноватой.

Зарин бросила непонятный взгляд на Хассана и вернулась в комнату.

– Там стало жарко, – заметила Кхепри.

– Я сорвался, – сказал Хассан. – Но то, что он говорил... мне нужно было что-то сделать.

– Нам нужно работать с ними.

– Это они должны работать с нами, – сказал Хассан, а в груди нарастало раздражение. – Я принц Херата. – Он замолк и понял, что сказанное неправда. – Я король Херата, нравится ему это или нет.

Кхепри вздохнула, взяла его за руку и потянула дальше по коридору в маленький альков.

– Мы бежали в страхе с тех пор, как пал маяк. Это шанс что-то сделать.

– Да, сорвать парад, – сказал Хассан, не пытаясь скрыть презрение. Он замер, глядя на Кхепри. – Ты же согласна со мной, разве нет?

Кхепри закрыла глаза.

– Да, то есть... не знаю. Ситуация хуже, чем мы думали. И мне не нравятся все планы Араша, но в чем-то он прав. У нас не много вариантов.

– Ты серьезно? – спросил Хассан.

Кхепри раскинула руки в стороны.

– Что ты хочешь от меня услышать?

– Что ты меня поддержишь.

– А ты думал, мы просто придем сюда и возглавим Крыло Скарабея?

– Да, – ответил Хассан.

– Это наивно.

Хассан вздрогнул, задетый этими словами.

– Херат моя страна.

– И я знаю, что он для тебя важнее короны, – ответила Кхепри. – Мы только недавно здесь, Хассан. Я лишь прошу попробовать сотрудничать с единственными, кто действительно на нашей стороне.

Хассан покачал головой.

– Я рад работать с Арашем. Но он этого не хочет.

Кхепри застонала в досаде:

– Вам не надо нравиться друг другу. Но я знаю, что ты с ума сходил, не в силах сделать хоть что-то с тех пор, как мы вернулись в Назиру. Это шанс что-то сделать. Показать твоей тете, что ты все еще здесь. Что ты не сдаешься.

Конечно же, она была права. Хассан и правда сходил с ума от бессилия.

– Иди охладись, – сказала она. – Сделай, что нужно. А вечером, когда в голове прояснится, поговори с Арашем.

– Ладно, – согласился Хассан.

Кхепри казалась довольной.

– Хорошо. Ну, мне лучше вернуться туда.

И, развернувшись на каблуках, она ушла, оставив Хассана в коридоре одного.

* * *

Хассан вернулся в читальные комнаты Библиотеки и сделал то, что он всегда делал в таком взвинченном состоянии, – обратился к книгам. Поздно вечером к нему присоединились.

– Принц Хассан, – сказал Араш, прочищая горло.

– Араш, – настороженно поприветствовал Хассан.

– Я пришел извиниться, – нужно отдать ему должное, Араш выглядел раскаявшимся. – Кажется мы начали не с того. Я вел себя... грубо во время встречи.

Хассан ждал.

Араш вздохнул.

– У вас было право злиться. Боюсь, после переворота я разучился доверять. Но не стоило сомневаться в вас.

Хассан подавил гнев, бушующий внутри.

«Попытайся сотрудничать», – услышал он в голове голос Кхепри.

– Думаю, я понимаю, – наконец сказал он. – Как ты знаешь, я доверился не тому человеку. Ее предательство... ну, возможно, оно повлияло на меня больше, чем мне казалось.

– Я хотел бы попросить вас принять участие в миссии, – сказал Араш. – Если вы хотите, конечно.

– Я не уверен, – ответил Хассан. – Я не отказываюсь от своих слов. Это опасно, и, я думаю, время и ресурсы можно потратить лучше. Нам нужно узнать больше о планах свидетелей и моей тети, прежде чем пытаться нанести удар.

Араш поджал губы.

– Я понимаю ваши сомнения. Надеюсь, вы завтра сможете прийти на собрание и представить свои идеи снова. Я вас выслушаю.

– Выслушаешь? – медленно повторил Хассан.

– Я всегда готов выслушать сомнения тех, кого я веду, – ответил Араш благоразумным тоном.

Хассана охватил гнев. Араш и правда думал, что Хассан будет подчиняться ему, потому что он как глава правомернее Хассана? Принц спокойно встретился с Арашем взглядом и поднялся со стула.

– Знаешь, Араш, не думаю, что это потребует. Видишь ли, я прочитал много-много книг на этих полках, и знаешь, что я узнал? Король Херата не подчиняется сыновьям мелко-поместных дворян.

С этими словами Хассан покинул комнату.

9. Эфира

– Кто ты, во имя Странницы, и что ты делаешь в убежище Бадиса? – потребовала ответа Шара, подходя к прутьям клетки и доставая нож.

Взгляд Ильи скользнул от нее к Эфире в углу комнаты.

– Хочешь рассказать им, дорогая?

Шара резко развернулась к Эфире:

– Дорогая?

Эфира крепче сжала рукоять кинжала, наблюдая, как тени бегают по гладкому лицу Ильи.

– Вы работаете вместе? – спросила Шара. – Ты собиралась добыть у нас информацию, пока твой парень обкрадывал убежище Бадиса?

– Он не мой парень, и мы не работаем вместе, – ответила Эфира. – Понятия не имею, что он тут делает.

– Но вы знакомы, – уточнила Шара.

– Простите, – сказал Илья, – не мог не услышать, что вы обсуждали раньше, потому что я буквально был заперт здесь. Вы все ищете Чашу Элиазара, не так ли?

Хадиза подошла к клетке.

– А что тебе известно о Чаше?

– Это зависит от того, выпустите ли вы меня или нет.

У Шары вырвался смешок.

– Должна признать, ты храбр. Но нам нужно чуть больше, и ты расскажешь мне, почему ты вообще здесь оказался.

– По той же причине, что и вы, – ответил Илья. – Тоже ищу Чашу.

– Тогда нам лучше оставить тебя здесь, не так ли? Как правило, мне нравится соперничество, но в этом случае, думаю, откажусь. – Шара двинулась к рычагу, открывающему эту комнатку.

– А я думал, что ты вроде как умная, Король Воров, – сказал Илья.

Шара замерла.

Эфира мечтала, чтобы Илья заткнулся. Она точно знала, как он умеет манипулировать – в конце концов, не так давно ему удалось убедить ее довериться ему. Тогда Эфира была за решеткой, а сила была на стороне Ильи. Теперь они поменялись местами, но она не могла не чувствовать, что даже за решеткой Илья дергает за веревочки.

– Мы ищем ключи к поиску Чаши, – продолжил Илья. – Так может, ты хочешь узнать, что я нашел.

– Он врет, – сказала Эфира, не отрывая взгляда от Ильи. – Он ничего не нашел.

– Ты узнаешь это? – спросил Илья, поднимая зеркало размером с голову с украшенной рамой и основанием.

Шара замерла.

– Что такое? – спросила Хадиза.

– Это принадлежит Бадису, – сказала Шара Илье. – Отдай его мне.

К удивлению Эфиры, Илья передал его Шаре через прутья, не протестуя. Шара взяла его в обе руки, рассматривая.

– Одно из последних найденных сокровищ.

– Что с ним произошло? – спросила Эфира.

– Он охотился вместе с командой за потерянными драгоценностями в Смертельных Пещерах, – сказала Шара. – Они думали, что это станет билетом на пенсию. Но в итоге попали в ловушку в пещере. А пастух нашел их тела пару недель спустя.

Она произнесла это беззаботно. Словно больше больно не было.

– Когда это случилось? – спросила Эфира.

– Шесть лет назад.

Эфира замолчала. Шесть лет назад. Примерно в то же время, когда в ее деревню пришел мор. И, судя по написанному в альбоме ее отца, вскоре после того, как он попросил помощи Бадиса в поисках Чаши.

Это могло быть совпадение.

Шара подняла зеркало.

– Он принес его с охоты прямо перед смертью. Он не хотел продавать его, я так и не узнала почему.

– Думаю, я знаю, – заметил Илья. – В нем есть ключ. Думаю, оно приведет нас к Чаше.

– Бадис не знал, где Чаша, – возразила Шара.

– Может, он не знал, где она, – сказал Илья. – Но знал достаточно. Достаточно, чтобы погибнуть.

– О чем ты? – спросила Шара, крепче вцепляясь в зеркало. – Что тебе известно о Бадисе?

– Достаточно, чтобы понять, что его смерть не была несчастным случаем, – ответил Илья. – Взгляни на зеркало сзади.

Шара его перевернула.

– Те, кто ищут Священную Реликвию, дарующую власть над жизнью и смертью... больше не ищите, потому что я покажу вам ключ к искомому, если у вас хватит сил им управлять, – медленно прочитала она, а потом опустила зеркало. – Думаешь, Бадис искал зеркало, чтобы найти Чашу?

– Было ли ему известно, что зеркало – ключ, или нет, кто-то другой точно знал об этом, – продолжил Илья. – Иначе, уверен, он был бы здесь сейчас.

– Ну, если это ключ, ты только что отдал его нам, и у тебя больше нет козырей, – ухмыльнулась Шара.

– Этот был бесплатным, – улыбнулся Илья. – Жест желания сотрудничать с вами. Но я обнаружил кое-что еще, что, думаю, вам понадобится, чтобы найти Чашу. Код. Который я уничтожил. Так что, кажется, я понадоблюсь вам, если вы хотите им воспользоваться.

– Он просто пытается задержать нас, – предупредила Эфира. – Могу предположить, что на улице его ждут десяток человек, готовых устроить нам засаду. Он работает на свидетелей. Не знаю, зачем им Чаша, но не для хороших дел.

– Это правда? – резко спросила Партения. Она училась в Великой Библиотеке Назиры – понятно, что она чувствительна к слухам о свидетелях.

– Я был со свидетелями, – признался Илья. – Некоторое время. Пока нахождение в их рядах не перестало быть мне выгодным.

– Ты просто полон дерьма, – сказала Эфира и повернулась к Шаре. – Не верь ни единому его слову. И, ради любви Керика, не выпускай его из клетки.

Шара перевела взгляд с Эфиры на Илью.

– Я думала, все свидетели – радикальные фанатики. Что такого произошло, ты ударился головой и понял, что все это бред?

– Вроде того, – ответил Илья и опустил глаза. – Свидетели, должен признать, на время убедили меня. Иерофан... понимает полностью, что тобой руководит. И использует это с выгодой для себя.

Эфира фыркнула.

– Вообще-то похоже на другого моего знакомого.

Илья проигнорировал ее.

– Некоторое время я внимал всему, что говорил Иерофан. Что одаренным не место в этом мире. Что их нужно истребить.

Нумир напряглась рядом с Эфирой.

– Это святотатство. Одаренные божественны.

Илья повернулся к ней.

– Ты с севера, не так ли?

– Племя Талин, – ответила Нумир.

– Новогардийцы тоже верят в божественных одаренных, – сказал Илья. – Вот почему мне нравилось слышать, что это совсем не так.

– Мы поняли – твои родители тебя не любили, – сказала Эфира, закатив глаза. – Это не оправдывает твоего решения вообще присоединиться к свидетелям. И не объясняет, почему, как ты утверждаешь, ты ушел.

– Ты права, – сказал Илья. – Думаю, ничто не оправдывает меня. Это была юношеская глупость и отчаянное желание почувствовать себя частью чего-то большего, чем я сам.

Похожие слова Илья сказал Эфире, пытаясь убедить ее довериться ему.

– Я нашел цель. Место, где я наконец мог почувствовать себя нужным.

– Но потом Иерофан попросил меня сделать то, что обдало меня холодом до самых костей, – Илья громко сглотнул. – Он попросил меня попытаться моего собственного... моего собственного брата. – Он закрыл глаза. – И я... я это сделал. Я так поступил, потому что он сказал, что это необходимо. Что это единственный способ исправить мир. Но когда брат попытался сбежать, я позволил ему. Я сам у себя вызывал отвращение. Я понял, что ни одна причина не стоит того, чтобы делать нечто подобное.

Эфира смотрела на него, прищурившись. Судя по тому, что она знала об Илье, он всегда казался ей настоящим прагматиком, действующим исходя из собственных интересов, а не глубоких убеждений. Если кто и притворялся фанатиком ради личной выгоды, то это он.

Но даже если сейчас он говорил правду, если его верность свидетелям была продиктована личными интересами, верить ему причин не было.

– Так зачем ты ищешь Чашу? – спросила Шара.

– Потому что она нужна свидетелям. И они не рады, что я ушел. Не знаю, для чего им Чаша, но, думаю, если найду ее до них, то смогу выманить Иерофана и убить его прежде, чем он убьет меня.

– Какое удобное прикрытие, – фыркнула Эфира. – То есть, когда ты найдешь Чашу, ты сможешь отдать ее прямо Иерофану в руки и вернуть себе его потерянное расположение.

– В твоем плане проблемка, – сказала Шара. – Ты скорее погибнешь в поисках Чаши, чем от руки свидетелей. Кто-то не хочет, чтобы ее нашли.

– Я готов пойти на такой риск, – ответил Илья. – Более того, свидетели хуже тех, кто защищает Чашу. Поверьте мне.

Эфира фыркнула:

– Поверить тебе? Seriously? – Она повернулась к остальным. – В последний раз, когда мы встречались, он попытался уговорить меня обманом помочь ему найти брата, а потом попытался меня похитить.

– Я не пытался завоевать твое доверие!

Судя по лицам Шары и остальных, Эфира поняла, что Илья уже успел их обаять.

– Ладно, – сказала Эфира, отступая назад. – Все. Я больше не буду это слушать. Можете делать, что хотите, но работать с этим парнем я не стану.

Она вскинула руки и пошла к лестнице и прочь из укрытия.

К вечеру жара в пустыни чуть спала. Эфира уселась рядом с двумя песчаными скифами, привязанными к пальцу одной из статуй.

Она точно знала, что происходит внизу. Она видела, как легко Илья запустил свои ядовитые когти в Шару и остальных.

Шара, которая считала себя непобедимой, верила, что даже если Илья лгал им, то она все равно получит желаемое, не подвергая остальных опасности.

Только Эфира знала, как она ошибалась.

Прошла пара минут, и из статуи появилась Шара. Одна.

– Ты его выпустишь, – сказала Эфира. Это не был вопрос.

– Мы будем держать его на коротком поводке, – ответила Шара, проходя мимо Эфиры к песчаному скифу, привязанному рядом с ней.

– Ты совершаешь огромную ошибку, – Эфира встала на ноги. – Он кажется очаровательным и сочувствующим, но в следующую же секунду за ним окажутся шесть наемников, а его нож упрется тебе в горло.

– Чудно, – вскинула брови Шара.

Эфира вытащила из-за пояса кинжал и направила кончик лезвия на горло Шары.

– Не игнорируй меня. Я уже раньше имела дело с этим парнем. Если ты от него не избавишься, мы все поплатимся.

Не думая ни секунды, Шара вскинула руку и вырвала кинжал из ладони Эфиры, а потом разрезала им привязь скифа.

– Я учла твое беспокойство, – сказала она. – Но позволь напомнить тебе, кто здесь главный, потому что ты, кажется, забыла. А также позволь напомнить, что я не стала самой молодой и самой успешной воровкой сокровищ в Пелагосе из-за глупых решений. Ты можешь или поверить, что я знаю, что делаю, или найти кого-то другого, кто найдет для тебя Чашу Элиазара.

Эфира сердито уставилась на нее, но Шара даже не моргнула.

– Ну, что?

Эфира кипела от недовольства. Но поджала губы.

– Отлично – живо ответила Шара. – А теперь помоги мне разбить лагерь.

* * *

Они оставили Илью в темнице, а сами разбили лагерь в первой комнате убежища. Лишь убедившись, что остальные заснули, Эфира зажгла лампу и, перебравшись через спящие тела, открыла дверь в потайную комнату.

Илья сидел за решеткой, обхватив рукой одно колено. При ее приближении он поднял голову.

– Что-то подсказывало мне, что рано или поздно ты придешь.

– У тебя нет никакого стыда, знаешь ли. – Эфира подошла ближе. – Я много лжецов повстречала в своей жизни, но ты просто нечто.

Он улыбнулся. Лампа Эфиры освещала его лицо лишь наполовину.

– Все, что я тебе когда-либо говорил, – правда. В какой-то мере. Но если хочешь, чтобы я был честен с твоей маленькой командой, может, мне начать с того факта, что ты легендарная убийца, известная как Бледная Рука?

Эфира замерла. В горле поднялась паника. Она ее сглотнула.

– У тебя нет доказательств.

Он пожал плечами.

Эфира тут же оказалась у прутьев.

– Скажи хоть слово, и я тебя убью. И ты и я знаем, что мне не нужен для этого нож.

Улыбка Ильи стала шире.

– Знаешь, ты же не сказала, зачем ищешь Чашу.

– Это не твое дело.

– Это как-то связано с твоей сестрой?

Вздвигнув, она взглянула на него.

– Просто догадка. Ты так отчаянно пыталась найти ее в нашу последнюю встречу, но она все же не с тобой, не так ли?

Эфира жалела, что вообще рассказала ему о Беру.

– Почему бы тебе кое-что не рассказать мне? – спросила она. – В Паллас Атосе ты постарался схватить меня вместе с Антоном. Что свидетелям нужно было от меня?

– Ты одаренная, – сказал Илья. – И могущественная.

– Дело в этом? – спросила Эфира. В голове она слышала тихое предупреждение Беру, когда они говорили в последний раз: *«Грядет век тьмы, и... мы те, кто ее принесет»*.

– А зачем еще? – спросил Илья.

Эфира сощурилась. Знал ли и он о пророчестве? Как и всегда в разговоре с ним, она не могла отличить правду от лжи. Легче считать, что все это ложь. Но так она ни к чему не придет.

– Может, ты и убедил Шару, что тебе можно верить, но тебе никогда не удастся убедить меня, – сказала она. – Сделай одолжение, держись от нас подальше.

Уголок губ Ильи приподнялся в кривой улыбке.

– Это ты пришла ко мне.

Эфира развернулась на каблуках.

– Больше я такой ошибки не допущу, – бросила она через плечо, покидая комнату.

– Посмотрим, – голос Ильи, тише ее собственного, проплыл за ней, отдаваясь эхом в ее голове, пока наконец не наступил сон.

10. Антон

Иерофан быстро шагнул по коридору. Свет факелов отражался от золотой маски, скрывающей его лицо. Две фигуры в плащах шли по обеим сторонам.

Он резко остановился перед круглой комнатой. Еще одна фигура в плаще охраняла дверь.

– Отведите меня к узнику, – сказал Иерофан.

– Да, Безупречный, – ответил человек в плаще и открыл тяжелую дверь.

Свет в комнате был тусклым, и там пахло горелой плотью. Мебели, помимо стола, не было. На нем лежал человек, его кожа была поврежденной, местами обожженной и покрытой шрамами. Порванная одежда свисала с его худой фигуры, а лодыжки и запястья были прикованы к столу. Другой человек стоял с краю, с факелом белого пламени в руках.

Иерофан подошел к узнику.

– Хватит, – простонал пленник дрожащим голосом. – Пожалуйста, хватит.

– Я не стану причинять тебе боль, – сказал Иерофан почти нежным голосом. – Я пришел выслушать тебя.

– Выслушать?

– Да. Ты расскажешь мне, где находится монастырь.

– Я не знаю, – всхлипнул мужчина на столе.

– Боюсь, я тебе не верю.

Свидетель с Божьим огнем опустил факел на грудь пленника. В комнате раздалось эхо криков – отчаянных, почти животных звуков. Свидетель убрал факел, и крики прекратились.

– Я вижу, что ты не хочешь облегчить задачу нам обоим, – устало заметил Иерофан. – Ты не первый последователь Потерянной Розы, которого я отследил. Некоторые из них легко выдали секреты, но других пришлось... убеждать дольше.

Иерофан легко коснулся изящной рукой плеча мужчины, и свидетель снова опустил факел. Его пламя затанцевало на коже узника. Тот всхлипывал, борясь с оковами.

– Я не знаю, где монастырь, – ахнул пленник. – Я не знаю, что это. Секреты Потерянной Розы скрыты даже от ее членов.

– Ты задерживаешь нас, – сказал Иерофан. – Ты и правда считаешь, что я поверю, что ты никогда не слышал о *единственном* письменном свидетельстве о Потерянной Розе? О реликвиях, которые они защищают и что те могут сотворить?

Пленник посмотрел на Божье пламя, приближающееся к его коже.

– Я... я никогда его не видел.

– Так ты знаешь о нем, – удовлетворенно заметил Иерофан. – Так я и думал. И, полагаю, ты точно знаешь, где он. Думаю, ты считаешь, что сможешь скрывать этот секрет от меня до последнего вдоха, потому что боишься, что случится после того, как я его найду. Но, уверяю тебя, умрешь ли ты в криках на этом столе или нет, то, что случится дальше, уже началось. Древняя сила, которую ты пытаешься защитить, будет выпущена на свободу и приведет нас в новую славную эру.

Узник не ответил – его лицо перекошилось от горя.

– Но, если ты умрешь тут, не дав мне желаемого, – продолжил Иерофан почти ласково, – следующей будет твоя дочь. Мы вырвем этот секрет из нее, и ее смерть будет страшнее.

– Нет, – выдохнул пленник. – Пожалуйста, не надо. Я расскажу вам. Я расскажу все, что вы хотите знать. – Он дернулся, когда человек в маске провел длинным пальцем по его лбу.

– Я слушаю.

Антон резко проснулся, а перед глазами вспыхнул свет.

– Что такое, мальчик? – Бабушка стояла над ним. Ее лицо было морщинистым и иссохшим, полоска рта – жесткой, а глаза – как два кусочка черного мрамора.

– Мне снился сон, бабия, – сказал он, моргая в темноте.

– Антон, – прокряхтела она. – Дитя мое. Иди домой. Твое место с нами. Это твоя судьба, как и Василия. Ты закончишь начатое им.

– Нет, – попытался сказать Антон, но с губ не сорвалось ни звука. – Нет, нет, это не так. Я не стану таким, как он.

Он тонул. Руки тянулись к нему, чтобы успеть схватить. Антон извивался и боролся с хваткой, но его не отпускали. Он выплыл на поверхность воды и оказался в разрушенном фонтане. Он заставил себя встать и перелезть через край, свалившись во двор, наполненный янтарным светом и шумом голосов.

Он знал это место.

– Вот и ты.

Он знал и этот голос. Антон повернулся. Там, окруженная темными, неясными фигурами остальной толпы, стояла Безымянная дама. Она выглядела точно так же, как в их последнюю встречу. Ее темные накрашенные губы изогнулись в подобии улыбки.

– Я искала тебя, – продолжила Безымянная дама. Внезапно она оказалась прямо перед ним. Протянула руку. В ней были зажаты четыре игральные карты, по одной каждой масти – кубки, короны, камни, мечи. Пальцы Антона сомкнулись на картах.

– Как вы меня нашли? – спросил он.

– Думаешь, моя сила действует только когда ты не спишь? – изумленно спросила она. Махнула рукой, и в ней появился бокал темного вина.

Он покачал головой:

– Раньше вы такого не делали.

– Ты не был готов, – ответила она.

– Я и сейчас не готов, – Антон сглотнул. Он чувствовал лед в горле. – Я стану таким же, как он. Они меня сделают таким. Это уже происходит. В моем видении есть свет, и он... он хочет... – Он замолчал. Свет хочет? Он не это собирался сказать. – Он свел его с ума. И со мной будет то же самое.

Карты исчезли из рук. Вместо этого в них оказался меч. Он был тяжелым, но Антон знал, что не сможет бросить его.

– Эндаррион, – произнесла Безымянная дама. – Ты найдешь его там.

– Что?

Что-то пробежало по лицу Безымянной дамы, словно тень.

– Антон, – сказала она, а бокал в ее руке хрустнул и вино полилось из него словно кровь. – Проснись.

* * *

Антон сел, хватая ртом воздух во тьме. Его простыни свалились с постели, а шею и лоб покрывал холодный пот. Он поднял трясущуюся руку к лицу, чтобы вытереть одинокую слезу.

Картинки из его сна снова появились перед глазами. Безымянная дама, его бабушка... и Иерофан. Все казалось таким настоящим, словно он и правда был в той комнате, наблюдал, как свидетели пытают узника, а его крики звенят вокруг.

Он никогда раньше не видел Иерофана, но знал, кем был человек под маской. Он снился ему и раньше, но не в таких подробностях.

Могло ли это быть правдой? Или сон навеял страх Антона?

Но это было невозможно. Это был сон, ничего больше. Просто его разум проходил через худшие страхи.

Он выглянул через окно на черное небо. Холодный страх сковал живот, когда он подумал о том, что ждало его утром. Новые кошмары. Снова то же самое. Из-за мысли о том, что

придется снова с ними встретиться, Антон почувствовал себя невероятно уставшим. Такую усталость сон не мог прогнать.

Что он вообще делает в Керамейкосе? Подвергает себя какому-то испытанию, придуманному людьми, которым на него наплевать. Им важны только видения в его голове, как раньше и бабушке, и его брату, и Иерофану. Им безразлично, чего хотел Антон, и так всегда и будет. И если их копания и терзания сведут его с ума – им тоже будет на это плевать.

Внезапно в голову пришла неизбежная мысль – он мог уйти.

Придется по крайней мере неделю идти в одном из направлений – Антон не был уверен, где именно в Галлианских горах они находились, но он знал, что, если достаточно долго будет идти вдоль реки, то наконец выйдет на берег. Там он уже решит, что делать дальше. Как всегда. Он останется один, но так было всю его жизнь. Почему теперь должно быть по-другому?

«Должно было быть, – прошептал голос в глубинах разума. – В этот раз кто-то должен был тебя защищать».

Он яростно отринул эту мысль, вылез из кровати и запихнул несколько комплектов одежды в простыню, завязав ее как мешок. Потом выскользнул за дверь и прикрыл ее за собой так тихо, как только мог. Затем стал красться по темному дворику к хранилищу бараков. В форте было необычайно тихо, и плеск реки казался в два раза громче.

Хранилище было не заперто, дверь слегка приоткрыта. Антон полагал, что в такой изоляции им не нужно было волноваться из-за мелких воров.

Он забрался внутрь и постучал по лампе, пока та не осветила похожее на пещеру хранилище. Глянув на первый ряд полок, он начал собирать провизию. Пальцы бегали по полкам и брали все, что казалось полезным, – пара корнеплодов, бурдюк с водой, мешок зерна. Он повернул за угол к следующему ряду полок и стал разглядывать банки без этикеток. Наугад взял одну из них, открыл и осторожно понюхал.

– Почему всегда, – произнес голос из темноты, – когда я не могу уснуть, появляешься ты.

Антон подпрыгнул, взмахнув руками и свалив стопку ящиков на ближайшую полку. Банка разбилась у его ног, по полу рассыпалось соленое зерно.

Антон не стал поднимать осколки. Вместо этого всматривался в пространство, позволяя глазам привыкнуть к тусклому свету, пока не заметил, что Джуд прислонился к полке у задней стены хранилища. Он сидел сгорбленный, с опущенными плечами, словно ему было больно.

– Видишь меня во сне, Джуд? – спросил Антон. Он понял, что это была их первая личная встреча с самого приезда в Керамейкос. С тех пор, как трибунал запретил им видеться.

Джуд склонил голову набок, не отрывая взгляда от Антона.

– Сначала в «Тайном источнике», – продолжил он, словно не слышал его. – Потом на корабле. А теперь здесь.

Непривычная горечь сквозила в словах Джуда, и что-то еще в его голосе казалось неправильным. Паладин поднял кувшин к губам и сделал большой глоток – и тут все стало ясно. Опущенные плечи. Расфокусированный взгляд. Неясная речь.

Джуд не был ранен. Он был пьян.

Невозможность этого факта на долгое мгновение лишила Антона дара речи. Он вспомнил, с каким презрением Джуд отказался от маленькой чашки вина, предложенной командой «Черного баклана» в Паллас Атосе. До приезда в Керамейкос Антон полагал, что все паладины воздерживаются – но таким был только Джуд. По крайней мере до этого дня.

В наступившей тишине Джуд снова поднял кувшин, делая долгий глоток.

– Ладно, – сказал Антон, присев рядом с паладином и осторожно забрав у него кувшин. – Думаю, тебе хватит.

Антон хорошо научился разбираться с любящими выпить клиентами, когда работал официантом в садах Талассы. Эта ситуация мало чем отличалась.

Джуд позволил Антону забрать у него кувшин. Его взгляд был мутным.

Антон поставил кувшин позади себя.

– Почему бы нам не встать с пола.

Джуд вытер уголок губ ладонью.

– Я именно там, где мне и место.

Антон слотнул и встал. Мгновение он просто стоял и смотрел на Джуда.

– Что ты тут делаешь? – спросил Джуд, словно только что задумался об этом.

– Ничего, Джуд, – сказал Антон, закидывая мешок повыше на плечо. – Возвращайся в комнату и поспи. Выглядишь ужасно.

Взгляд Джуда остановился на мешке Антона, полном украденных продуктов, и он внезапно вскочил на ноги. Навис над Антоном. Щеки покраснелись от вина, а глаза горели в тусклом свете.

– Ты уходишь! Ты... ты не можешь так поступить. Ты пророк.

Антон поджал губы.

– И?

– Здесь твое место, – резко сказал Джуд. Теперь он говорил четко.

– Кто сказал? – так же ответил Антон, поворачиваясь к выходу.

Джуд развернулся и сделал неуверенный шаг к нему. Брови сошлись в прямую линию.

– Сказал... я. Я сказал. Я не позволю тебе это сделать.

Внутри Антона внезапно вспыхнула ярость, искра неприятия, тлеющая в его душе с их приезда в Керамейкос.

– Правда? Пьяный мечник, который едва может стоять на ногах, собирается остановить меня?

Джуд вздрогнул и застыл, взяв себя в руки.

– Ты пророк, – сказал он, повысив голос. – Твоя судьба – исполнить пророчество и остановить век тьмы. Я всю жизнь молился о тебе, ждал тот день, когда мир обретет спасителя. А ты оказался всего лишь трусом.

– По крайней мере я не прячусь здесь и не топлю проблемы в бутылке вина, – спокойно ответил Антон. – Это ты так одержим своим долгом, Джуд. Ты знаешь, что все это не имеет никакого значения для меня, так зачем притворяться, что это не так?

Губы Джуда изогнулись.

– Если бы пророки были еще здесь, они бы посмеялись над тем, что мы возлагаем на тебя надежды.

В груди и на языке Антона вспыхнул гнев, и он встретился с пылающим взглядом Джуда.

– Тогда найдите кого-то другого, – выплюнул он. – Дай мне уйти и найди другого спасителя, или кем ты там меня считаешь, потому что я этого никогда не хотел.

– Никого другого нет! – прорычал Джуд, заставляя Антона отступить к полкам. В нос ударил запах сладкого вина, когда Джуд навис над ним. – Это ты должен был сделать это! Как только ты родился, как только небеса осветились для тебя, это всегда был ты. Разве ты не понимаешь?

Джуд схватил Антона за перед туники, пригвождая его к месту. Между ними трещала тишина.

– Сложно, не так ли? – спросил Антон, стараясь помешать голосу дрожать, заставляя себя не смотреть на бурю в глазах Джуда.

Джуд тяжело слотнул.

– Что тяжело?

– Так сильно верить во что-то и в итоге разочароваться.

Джуд издал тихий звук, словно его ударили. Он отпустил Антона и, пораженный, отступил назад.

Антон накрыла волна вины. Он подавил ее, поворачиваясь к двери.

За его спиной раздался голос Джуда, тихий и слабый.

– Они изгонят меня.

Антон замер. Внезапно ему стало холодно, словно в комнату проник сквозняк. *Изгонят?*

В трюме корабля, в котором их держал Илья, Джуд казался совершенно поверженным и лишенным надежды. Так же он выглядел и сейчас. Раздавленным. Тогда Джуд думал, что подвел пророка. Подвел *Антон*.

– Как они могут так поступить? – спросил он. – После всего, что ты сделал? После всего, чем пожертвовал?

Он непроизвольно взглянул на бледные шрамы от Божьего огня на горле Джуда.

– Клятва паладина священна, – ответил Джуд. – И я ее запятнал.

– Но ты же нашел пророка, – не согласился Антон. – Они не могут просто отрицать... – Он замер. Они могли это отрицать. Потому что Антон не доказал, что он пророк. А без доказательств, жертва Джуда ничего не значила. Без доказательств он потерпел в их глазах неудачу.

– Трибунал вынесет решение завтра, но мое сердце знает, каким будет результат, – сказал Джуд, склонив голову. – Я приму наказание за свои ошибки.

Ошибки. Те ошибки, что свели Джуда и Антона. Те ошибки, которые привели к Назире. На вершину башни, на дно моря. Когда Антон наконец увидел то видение, что преследовало его всю жизнь.

А теперь они означали, что Джуд потеряет единственное, что для него было значимо.

– Пойдем со мной, – внезапно сказал Антон. Слова сорвались с губ прежде, чем он их обдумал. Он сделал шаг вперед, внезапно охваченный этой глупой, безрассудной возможностью. – Джуд, пойдем со мной. Уйди прежде, чем они заставят тебя.

Но, когда Джуд поднял взгляд, Антон увидел в них горькую покорность.

Хранитель или нет, Джуд останется. Он примет любое решение Ордена, потому что никто не имеет права пошатнуть его чувство долга.

Даже последний пророк.

11. Беру

Сернистый запах ударил в нос Беру, когда она прижалась к стене источника. Какофония лагеря начинала успокаиваться, а бойцы укладывались на ночь, не замечая ее, стоящую на страже.

Днем раньше Беру встретила лицом к лицу с Гектором, в ужасе уставившись на черный отпечаток руки, помечавший его как не совсем живого, но и больше не мертвого.

– Гектор, – произнесла она тихим голосом. – Ты призрак.

Она боялась встречаться с ним взглядом, но заставила себя увидеть боль, отражавшуюся в нем.

– Нет, – выдохнул он. – Нет, это невозможно. Я не могу быть... мерзостью.

Когда она протянула к нему руку, он схватил ее за запястье, и ее снова накрыла волна страха и горя. Его страха и горя. Его глаза широко распахнулись в смятении, и он отпустил ее руку, словно обжегся. Прежде чем она успела заговорить, он исчез в толпе.

Беру смотрела, как он уходит, перевернула руку, словно могла найти объяснение их странной связи. Но ее рука оставалась просто рукой.

Эфира использовала эшу Гектора, чтобы не дать Беру умереть. Но теперь Гектор снова ожил. Должно быть, это создало какую-то связь между их эшами. Энергия, отданная Беру, все еще была как-то привязана к Гектору.

Это объясняло, почему она чувствовала боль Гектора в бойцовых ямах. И его реакция, когда она коснулась его, заставила ее подозревать, что это касалось не только ее – какая бы связь ни существовала между их эшами, она была обоюдной.

А что если... что если эша в Беру вернется к Гектору? Если энергия снова его, то, может... это сможет сделать его снова целым. Возможно, Гектору не придется жить проклятой полужизнью призрака. Которой Беру жила шесть лет.

Он мог вернуть свою жизнь.

Так Беру наконец искупит вину за жизни, забранные ею-призраком. Нить эши связывала ее с Гектором, и именно за ней она последует. Эфира забрала его жизнь. Беру должна ее вернуть.

Но сначала ей нужно его освободить.

Именно поэтому она ждала здесь, в темноте, в плаще и тканевой маске, закрывающей нижнюю часть лица. До нее донесся слабый свист, становившийся все громче. Она заглянула за стену, чтобы убедиться, что это хозяин бойцовых ям, и потом отступила, прислушиваясь к его шагам и скрипу открывающейся деревянной двери. Пару мгновений спустя она услышала всплеск и отошла от стены.

Стена была низкой, всего на полметра выше нее, и плохо уложенные камни помогали взбираться. На вершине она остановилась, заглянув в купальни. Из пруда источника поднимался пар, частично скрывая мужчину внутри. Пар помог ей забраться туда незаметной.

Она стала осторожно спускаться с другой стороны стены. Камни были скользкими от пара, и Беру пришлось двигаться медленно, чтобы не упасть. Наконец оказавшись в безопасности на земле, она подкралась к нему.

Схватила его за волосы, откидывая голову назад одной рукой и прижимая нож к его горлу другой.

– Закричишь, и я перережу тебе горло.

Мужчина всхлипнул.

– Знаешь, кто я? – спросила она, стараясь говорить низким голосом. – Отвечай.

– Н-нет, – заикаясь, ответил он.

– А должен бы, – сказала она. – Меня называют Бледной Рукой.

Мужчина снова всхлипнул.

– Так ты знаешь, кто я, – уточнила она. Она не была уверена в этом – Бледную Руку никогда не видели на этой стороне Пелагоса, но, кажется, слухи ходили. – Я здесь из-за твоих так называемых бойцовых ям. То, что ты творишь с этими людьми, неправильно.

– Они пленники, – выплюнул он. – Пусть радуются шансу...

Беру постаралась представить, что бы сказала Эфира. Она сильнее прижала нож, украденный с кухни караван-сарая, к его коже. – Тебе повезло. Я позволяю тебе говорить вместо того, чтобы тут же тебя убить.

– Пожалуйста, – произнес он. – Пожалуйста, я...

– Я позволю тебе жить, – сказала она. – А я так нечасто поступаю. Но я чувствую, что у тебя еще осталась совесть.

– Я сделаю все что угодно, – тут же ответил он.

Беру улыбнулась под маской.

– Хорошо. Я хочу, чтобы ты домылся. Потом вернись в комнату, собери вещи и уезжай. Один. Никому не говори. Если я вернусь завтра и увижу, что ты не ушел, ну... вторых шансов я не даю. Скажи, что понял.

– Понял, – печально ответил мужчина.

Беру отпустила его волосы.

– Я уйду, – произнесла она. – А если постараться за мной проследить или послать кого-то за мной, я тебя убью. Если обернешься, я убью тебя. Понял?

– Понял, – снова ответил он.

Она убрала руку и отошла от ванны. Он не обернулся. Она перелезла через стену и побежала назад в караван-сарай, а сердце не переставало колотиться. Притворяясь Бледной Рукой, она почувствовала трепет и ужас от того, что Эфира сделала со всеми теми людьми. Беру никогда никому не угрожала раньше, а Эфира делала вещи и пострашнее – она действительно убивала. Беру стало плохо от чувства вины, и в каком-то извращенном смысле она отчаянно заскукала по сестре.

Но теперь она была, как никогда, уверена, что ее решение покинуть сестру было правильным.

* * *

На следующее утро Беру проснулась до восхода. Быстро оделась и осторожно вышла на лестницу, откуда открывался вид на стойла и двор. Оттуда она наблюдала, как караван, прибывший прошлой ночью, готовится к отбытию.

Снизу донесся глубокий голос.

– Говорю тебе, нам нужно нанять охрану. После того случая в Тазлибе...

– Мы не можем себе этого позволить, – возразил другой, более высокий голос. – Ты же знаешь.

– Ну, мы не можем позволить бандитам украсть наш товар.

– Слушай, – сказал высокий голос. – Если продержимся до конца лета, может, сможем что-то сделать.

– До конца лета? Мы даже до Бехезды можем не добраться!

Беру знала все о бандитах, терзавших пустыню Сети. Ее отец был торговцем, и каждый раз, когда он отправлялся в путешествия, Беру плакала, засыпая, потому что переживала из-за бандитов. Эфира всегда успокаивала ее, читая или рассказывая разные нелепые истории, просто чтобы отвлечь ее.

Грудь сжалась от воспоминания, и она оттолкнула его, спустившись на кухню, чтобы взять себе кусочек хлеба, а потом с восходом солнца направилась в город.

Когда она добралась до лагеря бойцов, рассвет только превращался в утро. Бойцы уже проснулись и были заняты какими-то препирательствами, связанными с завтраком. Беру остановилась и наблюдала.

Невысокий мужчина прятался за перевернутым столом.

– Если Сал ушел, значит, мы больше не рабы! – крикнул один из бойцов.

– Что ты тут делаешь?

Беру вздрогнула, оборачиваясь, – в паре шагов от нее стоял Гектор и хмуро смотрел на нее в свете утреннего солнца.

– Ты свободен, да? – спросила она.

Гектор мгновение смотрел на нее удивленно и в то же время понимающе.

– Это ты сделала, не так ли?

Беру прикусила губу. Страх свернулся внутри, поднимаясь волной тошноты.

– Что ты с ним сделала?

Она взглянула на него в шоке.

– Я его не убила! Я не... – Она замолчала.

– Не твоя сестра? – спросил Гектор.

Беру поджала губы.

– Я вроде как просто испугала его. Немного.

Гектор сощурился, а Беру почувствовала бурю эмоций, которую не могла разобрать, но сердце начало колотиться о ребра, а кулаки сжались. Словно она злилась.

Но это была не ее злость, поняла она, когда Гектор резко развернулся и пошел прочь.

– Эй! – окликнула его Беру, следуя за ним. – Гектор, стой, просто... стой. – Она схватила его за руку, когда они проходили вдоль барачков. – Я видела отпечаток. Кто-то вернул тебя к жизни.

– Кто? – спросил он. – Твоя сестра? Где она?

Беру покачала головой. Эфира была единственным человеком, известным ей, кто мог воскрешать мертвых. А она осталась возле тела Гектора.

Но Беру сомневалась, что Эфира это сделала. Когда она в последний раз возвращала к жизни, то убила всю деревню. Она не стала бы снова рисковать. Не ради Гектора.

– Думаю, кто-то другой воскресил тебя, – сказала она.

– Это невозможно. Это значило бы, что...

– Есть другой некромант, – закончила за него Беру. Они уставились друг на друга, и значение ее слов наполнило воздух. – Еще один некромант, который хочет, чтобы ты жил.

Воздух пронзил крик, заставив их обоих вздрогнуть. Раздались новые вопли. Обернувшись, Беру поняла, что ссора в лагере, свидетелем которой она стала, превратилась в настоящий бунт.

Гектор схватил ее за руку, уводя прочь из лагеря мимо бойцовских ям. Беру часто дышала, пытаясь поспевать за Гектором.

– Что именно тебе от меня нужно?

Она сердито уставилась на него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.